

Л. Н. ДОРОФЕЕВА

ЯЗЫК
ФАРСИ-КАБУЛИ

изд

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт Востоковедения

ЯЗЫКИ
ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА
И
АФРИКИ

*Под общей редакцией
проф. Т. П. Сердюченко*

Л. Н. ДОРОФЕЕВА

ЯЗЫК ФАРСИ-КАБУЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

1 9 6 0

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Л. Н. Дорофеевой „Язык фарси-кабули“ входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом востоковедения Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например: „Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала“, „Иранские языки“, „Языки Юго-Восточной Азии“, „Монгольские языки и диалекты Китая“, „Языки Африки“ и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные живые языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), белуджский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, авестийский, пехлеви, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов—не специалистов по данному языку или группе языков, для преподавателей историко-филологических факультетов университетов, педагогических институтов и аналогичных им высших учебных заведений, а также для студентов, изучающих восточные языки.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои замечания и пожелания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии „Языки зарубежного Востока и Африки“.

Так называемый „персидский язык Афганистана“ вместе с современным персидским и таджикским языками составляет группу наиболее близких между собой живых иранских языков. В самом Афганистане для этого языка принято название „фарси“, точнее — „фарси-кабули“ (по названию его основного диалекта).

Термин „кабули“ утвердился в научной литературе в значении „диалект города Кабула“. Теперь, после выхода в свет ряда работ, посвященных этому диалекту, едва ли можно сомневаться в самобытности кабули, в его значительном своеобразии по сравнению с современным персидским, а также таджикским языком, к которому он особенно близок по строю.

Однако если относительно разговорного диалекта кабули картина в общем ясна, то не так обстоит дело с его литературно-письменной формой, которую в Афганистане именуют иногда „дари“, желая подчеркнуть ее преемственную связь с языком классических персидских и таджикских авторов.

В последнее время как советские, так и зарубежные ученые-иранисты все более склонны исходить в своих исследованиях из предпосылки о наличии трех самостоятельных литературных форм единого в прошлом классического персидского языка, т. е. современных персидского, таджикского и фарси-кабули.

Так, французский лингвист Ж. Лазар, отмечая исторически сложившееся распределение „говоров персидской группы“ между тремя государствами — Ираном, Афганистаном и Советским Союзом (Таджикская ССР, некоторые районы Узбекистана и других советских республик Средней Азии), пишет, что ныне на этих территориях „образовались или создаются новые национальные языки, которые, не теряя преемственной связи с классическим персидским, в боль-

шей или меньшей степени отдаляются от него, приближаясь к разговорным формам языка¹.

Изучение языка фарси-кабули, формировавшегося в своеобразных условиях Афганистана в тесном соседстве и взаимодействии с афганским и индийскими языками, представляет немалый научный и практический интерес.

Между тем в отличие от таджикского и персидского языков, научное изучение которых в настоящее время ведется достаточно интенсивно, литературный фарси-кабули выпал из поля зрения исследователей. Думается, это происходит оттого, что еще многие по традиции отождествляют его с персидским языком.

Настоящий очерк призван в какой-то мере восполнить имеющийся пробел. Он представляет собой опыт характеристики литературно-письменного фарси-кабули, основанный на изучении языка произведений афганских писателей и ученых, а также прессы и других официальных изданий Афганистана, с одновременным привлечением данных устно-разговорной речи.

Автор с самого начала столкнулся с значительными трудностями прежде всего методического характера. Включение очерка в серию „Языки зарубежного Востока и Африки“ обязывало к систематическому описанию грамматики кабули. Вместе с тем едва ли возможно писать о кабули, не затрагивая в то же время вопроса о его отношении к персидскому и таджикскому языкам. Ведь только такое фактическое сопоставление могло подтвердить далеко не общепризнанный тезис о самобытности литературно-письменного кабули. Поэтому в данном очерке по мере изложения фонетики, грамматики и лексики кабули одновременно подчеркиваются моменты, отличающие или сближающие его с тем или иным из двух упомянутых языков. При этом используется терминология, принятая в исследованиях по персидскому и таджикскому языкам. Автор более краток при описании общих моментов и подробнее останавливается на тех явлениях, которые составляют специфику кабули и, следовательно, не получили еще освещения в научной литературе.

Новизна темы исследования, характер и объем материала определили другую особенность структуры очерка— неодинаковую полноту и объем его разделов. Наиболее полно удалось осветить словарный состав благодаря имеющемуся уже значительному материалу по лексике кабули. Краткость и фрагментарность раздела „Некоторые черты синтаксиса“

¹ См.: G. Lazard, *Caractères distinctifs de la langue tadjik* („Bulletin de la Société de Linguistique de Paris“, t. 52, fasc. I, 1956., p. 117—118).

объясняются недостаточной изученностью этого вопроса, а также тем, что синтаксические нормы кабули в известной степени ещё не отстоялись. Много неисследованного и спорного имеется в области фонетики (например, вопрос о парах долгих и кратких гласных *i* и *u*). Словообразование для удобства рассматривается в разделе „Морфология“.

В очерке используется международная иранистическая транскрипция на основе латинской графики. Персидские слова, приводимые для сопоставления, даются в русской транскрипции, а таджикские—в принятой графике. Примеры даются только в транскрипции, за исключением тех случаев, когда затрагиваются вопросы орфографии.

Примеры просторечных оборотов и диалектизмов заимствованы из работы Фархади². Использовались некоторые наблюдения Фархади также в области словообразования в той части, где они совпадают с данными литературно-письменного языка. Основной иллюстративный материал—документированные примеры в оригинальной арабско-афганской графике и с переводом; они отнесены в самый конец очерка и располагаются по номерам. Большая часть примеров взята из художественных и научных сочинений, а также из школьных хрестоматий и отражает общепринятую языковую норму.

² Abd-ul Ghafûr Farhâdi, *Le persan parlé en Afghanistan. Grammaire du Kabôli*, Paris, 1955.

ВВЕДЕНИЕ

В современном Афганистане с его сравнительно небольшой территорией зафиксировано свыше тридцати различных языков; однако значительная часть их насчитывает небольшое число носителей и имеет весьма ограниченное употребление. Общегосударственное значение имеют два языка: пушту и „фарси“, на которых говорит подавляющая часть населения страны (примерно $\frac{4}{5}$).

Язык фарси распространен главным образом в центральной и северной частях Афганистана — в районах расселения таджиков, для которых он является родным языком. Кроме таджиков, им широко пользуются афганцы и представители других национальностей почти во всех частях страны, особенно в городах и крупных центрах.

Из многочисленных диалектов и говоров этого языка ведущее значение имеет кабули — диалект города Кабула и его района, используемый в известной мере как общепонятная форма устно-разговорного языка.

Начало изучения кабули (в терминологии западноевропейских авторов „кабульско-персидского“) относится ко второму десятилетию нынешнего века. Однако еще задолго до этого были известны многочисленные свидетельства о кабули, оставленные различными путешественниками, учеными и коммерсантами, посетившими Афганистан. Все они отмечали, что так называемый персидский язык Кабула представляет собой нечто совсем иное, чем собственно персидский язык³.

Первые конкретные, хотя и весьма фрагментарные сведения об особенностях „кабульско-персидского“ содержат труды английского автора Филлотта⁴ и норвежского уче-

³ См., напр.: H. Raverty, *Notes on Afghanistan and part of Baluchistan*, London, 1882—1888, p. 68.

⁴ D. C. Phillott, *Higher Persian grammar for the use of the Calcutta University, showing differences between Afghan and Modern Persian*, Calcutta, 1919.

ного Моргенштерне⁵, опубликовавшего, кроме того, первые тексты на этом языке. Наиболее ценной из ранних работ, посвященной специально кабули, являются „Заметки“ Л. Богданова⁶, не утерявшие своего значения до сих пор.

Все упомянутые авторы, констатируя значительные отличия „языка Кабула“ от современного персидского языка, единодушно отмечают большую близость, а некоторые— даже идентичность его с таджикским языком.

Первое полное описание грамматики кабули принадлежит молодому афганскому автору Абдулгафуру Фархади⁷ и, несомненно, представляет собой вклад в изучение кабули как в отношении богатства фактического материала, впервые вводимого в научный обиход, так и в смысле освещения целого ряда общих вопросов истории языка, в частности вопроса о взаимоотношении говоров Афганистана, Ирана и Таджикистана.

В противоположность говору Кабула другие говоры таджиков на территории Афганистана еще очень слабо изучены. До последнего времени в науке имелись сведения только о трех группах этих говоров: бадахшанских, панджшерских и рогских⁸. Однако уже и эти данные позволяли судить о чрезвычайной близости вышеназванных говоров к таджикским говорам на территории СССР. Дальнейшее уточнение эти предварительные выводы получили в работе Фархади, который на основе личных наблюдений очерчивает на лингвистической карте от Бухары до Кабула сплошной массив идентичных по своим основным признакам говоров, определяя их как „афгано-таджикские говоры“.

Язык фарси в Афганистане имеет свою литературно-письменную форму, которая известна нам по афганским официальным изданиям, прессе, радио, сочинениям афган-

⁵ G. Morgenstierne, *Report on a linguistic mission to Afghanistan*, Oslo, 1926.

⁶ L. Bogdanov, *Stray notes on Kabuli-Persian* („Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal“, New series, Vol. XXVI, 1930, № 1), p. 1—124.

⁷ Abd-ul Ghafūr Farhādi, *Le persan parlé en Afghanistan. Grammaire du Kabūli*, Рец.: J. Cejpek, L. Rypka [„Orientalistische Literaturzeitung“ (Leipzig), № 9—10, 1956, S. 446—450]; Л. Н. Дорофеева („Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР“, XXXVI, стр. 108—117).

⁸ См. известную монографию: Major D. L. R. Lorimer, *The Phonology of the Bakhtiari, Badakhshani and Madaglashti dialects of Modern Persian*, London, 1922, а также работы советских ученых: М. С. Андреев, *По этнологии Афганистана, Долина Панджшира*, Ташкент, 1927; А. Н. Болдырев, *Бадахшанский фольклор* („Советское востоковедение“, V, 1948, стр. 275—296); Ю. И. Богорад, *Рогские говоры таджикского языка* („Труды Института языкознания АН СССР“, VI, 1956, стр. 133—195).

ских авторов. На протяжении ряда веков и вплоть до недавнего времени этот литературно-письменный язык был государственным языком Афганистана и имел преимущественное употребление во всех областях государственной и общественной жизни. С 20-х годов нынешнего века в Афганистане принимаются активные меры, направленные на возрождение и развитие афганского языка — пушту. Однако, несмотря на успехи пушту, который объявлен государственным языком, фарси сохраняет свое значение в Афганистане в качестве литературно-письменного и официального языка, а также языка школы. „Наши два национальных языка“, — говорят афганцы о пушту и фарси.

Литературно-письменный фарси Афганистана не был предметом специального изучения. Однако исследователи, которым приходилось так или иначе иметь дело с материалами и документами на этом языке, обращали внимание на его значительное своеобразие по сравнению с персидским языком и близость к разговорному кабули. Так, Л. Богданов, рассматривавший современные ему афганские официальные издания, приходил к заключению об идентичности их языка с тем устно-разговорным языком, который употребляется в Кабуле. Этой же точки зрения придерживается советский афганист, знаток живых языков Афганистана М. Г. Асланов, рассматривающий язык афганских официальных изданий как „литературную форму кабульско-таджикского диалекта“.

Кабульский диалект, несомненно, лежит в основе формирующегося литературно-письменного языка, в связи с чем правомерно говорить о литературно-письменном кабули⁹.

Разговорная речь Кабула, получающая, как свидетельствует Фархади, все большее распространение по всему Афганистану в качестве всеобщего разговорного языка, неизбежно оказывает влияние на литературно-письменный язык. При этом, конечно, в разных сферах языка и в разных речевых стилях это влияние проявляется в разной степени. Язык прессы, публицистики, а также радио и театра, рассчитанный на массового читателя и зрителя, наиболее близок к разговорной речи. Язык официальных бумаг и научных исследований в этом отношении весьма консервативен.

Процесс нормализации литературно-письменного кабули в Афганистане продолжается на наших глазах. Наряду со все усиливающейся тенденцией к демократизации литера-

⁹ В дальнейшем в данном очерке для обозначения как разговорного так и литературно-письменного языка употребляется термин „кабули“.

турного языка еще сильны традиции старой феодальной литературы. С этим связаны довольно сильные колебания норм языка и стиля, характерные для афганских писателей, пишущих на кабули.

В афганских периодических общественно-художественных и научных изданиях активно дебатировались вопросы орфоэпии и орфографии, норм словоупотребления и т. д., что свидетельствует о живом интересе литературной и научной общественности к становлению литературного языка.

ФОНЕТИКА

Звуковой состав

Гласные. В кабули восемь гласных фонем *a*, *ā*, *i*, *ī*, *u*, *ū*, *ē*, *ō* и два дифтонга *ai* и *au*. Схема вокализма кабули следующая:

<i>ī</i>	<i>ū</i>		
<i>i</i>	<i>u</i>	<i>ē</i>	<i>ō</i>
<i>a</i>		<i>ā</i>	

Вокализм кабули в целом более архаичен, чем вокализм современного персидского языка, и во многом сближается с таджикским. Так, в кабули сохранились гласные *ē*, *ō*, которые имелись на предшествующей стадии развития — в среднеперсидском и языке классической эпохи. Что касается гласных *i* и *ī*, *u* и *ū*, то, по-видимому, изменилась лишь их количественная, а не качественная характеристика.

Гласные кабули отличаются друг от друга в основном по качеству, однако имеет значение и количественная их характеристика — устойчивость и неустойчивость (исторически — долготы и краткости). Звуки *ī*, *ū*, *ā*, *ē*, *ō* — устойчивые, т. е. сохраняющие свое качество в любой позиции, а звуки *a*, *i*, *u* — неустойчивые (исторически краткие) — легко редуцируются, теряя свою качественную определенность.

Фонема *a* — негубной гласный переднего ряда нижнего подъема. По сравнению с персидским *a* он более продвинут назад и более открыт, благодаря чему очень близок по звучанию к русскому *a* и совпадает с таджикским *a*. Специфично, что этот гласный сохраняет свое качество в абсолютном исходе под ударением: *pardā* 'занавес', 'завеса', *mēwā* 'фрукты', *Frānsā* 'Франция', *āmādā* 'пришед-

ший'. (В персидском языке конечное *a* сужается до *e*: *xā-né* 'дом'.)

Фонема *ā* — устойчивый гласный, артикулируемый при очень широком растворе рта с оттянутой нижней челюстью при значительном огублении. Иногда его сравнивают по звучанию с шведским *a*, например в слове *dag*. Степень огубленности и закрытости *ā* в различных районах не одинакова. В ряде говоров, например в говорах Панджшера, *ā* совпадает с таджикским *o*. Примечательно сохранение качества *ā* перед носовыми, в противоположность разговорному персидскому: *nān* 'хлеб', *nām* 'имя'.

Фонемы *i*, *u*, *ī*, *ū*. Исторически краткие гласные *i* и *u*, которые в персидском языке перешли соответственно в *e* и *o*, в кабули, по-видимому, как и в таджикском языке, сохраняют свое качество, акустически совпадая с парой долгих *ī* и *ū*: *dil* 'сердце', *fil* 'слон'. Звук *i* даже способствует до некоторой степени палатализации предшествующего согласного: *tijārat* 'торговля', *intišār* 'издание', 'распространение'. Об идентичности или во всяком случае близости звуков *i* и *ī*, *u* и *ū* свидетельствуют данные орфографии, допускающей двойное написание слов, содержащих эти звуки: с употреблением знака, соответствующего долгому гласному, и без такого знака: *mīrzā* 'писец' مرزا и میرزا; *čīstān* 'загадка' چیستان و چیستان; *dīgar* 'другой' دیگر و دیگر; а также: *kūdām* 'какой', 'некий' کدام و کودام; *būta* 'кустарник' بوته و بته и т. д.

Примечательно в этой связи, что заимствованные из европейских языков слова, имеющие в своем составе звук *i*, передаются в графике кабули без знака *ی*, соответствующего долгому гласному *ī*: *film* 'фильм', *sigrit* 'папироса', 'сигарета', *disiplīn* 'дисциплина' (в персидском языке в аналогичных случаях пишется *ی*).

Однако, совпадая по способу артикуляции, эти пары гласных в то же время различаются по степени устойчивости. Если *ī* и *ū* всегда сохраняют свою качественную определенность вне зависимости от их фонетической позиции, то *i* и *u* часто теряют свое качество. Так, перед „айном“ и *h* гласный *i* превращается в *ê*: *dêh* 'деревня', *êlānāt* 'объявления'. В соседстве с увулярными (язычковыми) согласными *q*, *ɣ* появляется более широкий вариант этой фонемы, напоминающий русское *ы* (например, в словах: *mašriqī* 'восточный', *qita* 'часть', 'отрезок', 'отрывок'). Фонема *u* способна продвигаться вперед и имеет, по-видимому, широкий диапазон звучания. В просторечии литературному

и иногда соответствует неогубленный гласный переднего ряда *ɔ*: *ɾɔʒt* 'спина'. Это же отмечалось в говорах: панджшерских, бадахшанских и др. Только будущее экспериментальное исследование позволит установить соответствия между долгими и краткими парами гласных: *i—ī*, *u—ū*. Однако уже теперь можно заключить, что в кабули они противопоставляются не по качеству, как в персидском языке, а скорее по признаку устойчивости — неустойчивости.

Фонема *ē* (так называемый *yā majhūl*) — устойчивый негубной гласный переднего ряда среднего подъема (акустически напоминает таджикское *ē*) в различных фонетических условиях почти не изменяется. Так, в словах *sēb* 'яблоко', *bēgāh* 'вечер' и *bēzā* 'кустарник' звук *ē* произносится одинаково. В литературном языке он часто звучит как дифтонг: *maiz* 'стол', *umaid* 'надежда'.

Фонема *ō* (*wāw-i majhūl*) — огубленный гласный нижнего подъема, более открытый, чем соответствующий таджикский *ū*; очень устойчив, ср.: *imrōz* 'сегодня' и *gōsfand* 'баран'.

Наличие исторически долгих гласных *ē* и *ō*, соответствующих древним дифтонгам *ai* и *au*, составляет одну из архаических черт вокализма кабули, полностью утраченную уже современным персидским языком, но сохраняющуюся в таджикском и его диалектах. Степень распространения звуков *ē* и *ō* неравномерна по говорам. Диалект Кабула допускает замену их в некоторых словах соответственно звуками *ī*, *ū*, за исключением случаев, когда они выполняют смысловоразличительную функцию: *šēr* 'лев', но *šīr* 'молоко'. Однако в литературно-письменном кабули произношение *ē* и *ō* соблюдается всюду, где эти звуки имеются этимологически; они, как правило, отсутствуют перед носовыми.

Дифтонги. Кабули, как и таджикский язык, сохраняет старые (нисходящие) дифтонги в их первоначальном виде: *ai* и *au*, тогда как в персидском языке дифтонги звучат как *ei* и *ou*. Ср.: каб. *mai*, тадж. *май*, перс. *мей* 'вино'; каб. *qaum*, тадж. *қаум*, перс. *гоум* 'народ', 'племя'. В разговорном языке дифтонг *au* иногда заменяется фонемой *ō*, в частности в словах: *rōšan* (вм. *raušan*) 'светлый'. То же в некоторых словах арабского происхождения: *pōbat* 'очередь' (вм. *paubat* = *nawbat*).

Если к слову, оканчивающемуся на дифтонг, присоединяется какой-либо морфологический показатель, то неслоговой элемент дифтонга заменяется полугласными: *y*, *w* вместо *i*, *u*: *ray-i kōh* 'у подножия горы' (*rai* 'подножие'), *jaw-i xīb* 'хороший ячмень' (*Jau* 'ячмень'). Далее дифтонги будут обозначаться через *ay* и *aw*.

Согласные. Консонантизм кабули мало отличается от консонантизма персидского языка и почти полностью совпадает с таджикским. Имеется 23 согласных звука, которые представлены в табл. 1.

Таблица I

По месту образования / По способу образования		Губно-губные	Губно-зубные	Передне-язычные	Средне-язычные	Язычковые (увулярные)	Фарингальные	
							нижне-фарингальные	верхне-фарингальные
Смычные	неносовые	<i>p, b</i>		<i>t, d</i>	<i>k, g</i>	<i>q</i>		
	носовые	<i>m</i>		<i>n</i>				
	аффрикаты			<i>č, ĵ</i>				
Щелевые	однофокусные		<i>f</i>	<i>s, z</i>	<i>y</i>	<i>x, ɣ</i>	<i>h</i>	
	двухфокусные	<i>w</i>		<i>š, ž</i>				
	боковые			<i>l</i>				
	Дрожащие			<i>r</i>				

Фонема *w* — билабиальный круглощелевой. Губно-зубной *v* (типа русского *v*) совершенно отсутствует в кабули как литературном, так и просторечном.

Увулярные. Согласные *q* и *ɣ* (в графике соответственно *ق* и *غ*) в кабули (и в таджикском языке) в противоположность персидскому составляют две различные фонемы: первая — смычная глухая, вторая — звонкая щелевая. Глухой смычный характер *q* сохраняется даже в интервокальном положении: *maqāla* 'статья', *daqīqā* 'минута'.

Можно говорить о частичной ассимиляции *q* с последующим звонким, например в слове *iqdām* 'мероприятие'. В разговорной речи (перед глухими) *q* нередко приобретает щелевой характер, уподобляясь близкому к нему звуку

х (глухой щелевой язычковый). Взаимозамена $q > x$ находит отражение и в графике, например: از وختیکه *az waxtē ki* 'с тех пор как', میرخسن *mēraḡsan* 'они танцуют'.

Спирант ξ , редко встречающийся и в литературном произношении, совершенно отсутствует в просторечии, где вместо этого звука произносится аффриката f . Так, слово ژاله *žāla* 'иной', 'град' в просторечии звучит *jāla*.

Фарингальные. Верхнефарингальные $ħ$, ع „айн“ и „хамза“, характерные для некоторых говоров таджикского языка, в кабули, как правило, не наблюдаются (в сельских говорах района Кабула они изредка встречаются в отдельных словах, главным образом обозначающих религиозные понятия).

Арабскому $ħ$ (ح) в кабули соответствует обычно нижнефарингальный спирант h со всеми особенностями его произношения. Слабо артикулируемый вообще (акустически он подобен легкому придыханию), этот звук полностью выпадает в беглой речи. При этом в начале слова h выпадает бесследно (*ašt* 'восемь', *issa* 'доля'), а в других случаях выпадение его влечет изменения в соседних гласных: так, в середине и конце слова h , исчезая, сообщает предшествующему гласному дополнительную долготу: *bētar* 'лучше', *mēmān* 'гость', *dā* 'десять', *rām* 'милость', *šār* 'город', *pālū* 'бок'; срединное h обычно заменяется полугласным y : *māyi* 'рыба', *ħāyiš* 'желание', *sāyib* 'господин', 'хозяин'; падение интервокального h приводит к ассимиляции гласных: *nahār > naār > nār* 'обед', *dahān > daān > dān* 'рот', 'усть', 'вход'.

Эти варианты произношения находят отражение и в графике кабули. В частности, в текстах, написанных на народно-разговорном языке, сплошь и рядом встречаются написания типа امی *ami* 'этот самый', کوتا *kūta* 'короткий', پالو *pālū* 'бок'.

Некоторые фонетические особенности

Превращение согласных $b > w$, известное и персидскому и таджикскому языкам, в кабули наблюдается повсеместно. Литературному b в разговорной речи вообще соответствует w как в начале, так и в конце слова: *bār > wār* 'раз', *sabz > sawz* 'зеленый', *šab > šaw* 'ночь', *sēb > sēw* 'яблоко'. При этом \bar{a} нередко превращается в a : *āb > aw* 'вода', *āftāb > aftaw* 'солнце'. Переход $b > w$ фиксируется в графике: شو 'ночь', افتو 'солнце', خو 'сон' и др.

Наблюдается также переход $f > \omega$, например в словах: *afsāna > awsāna* 'сказка', 'рассказ', *kafš > kawš* 'обувь'.

В беглой речи обычно происходят самые разнообразные превращения согласных: ассимиляция, диссимиляция, выпадение, наращение и т. д. Так, можно отметить:

1) оглушение конечных звонких b, d, z, g ; *arbāb > ar-bār* 'хозяин', *šād > šāt* 'мед';

2) слияние двух согласных $d+t=-t$: *zūdtar > zūtar* 'скорее', *badtar > baatar* 'хуже';

3) слияние группы $dš$ в $č$: *pādšāh > pāčā* 'царь', 'падишах';

4) озвончение глухих: *afgār > awgār* 'раненый', *afyān > awyān* 'афганец', *yak-rang > yag-rang* 'одноцветный', 'однообразный';

5) превращение увулярного смычного q в спирант x перед переднеязычными: *raqs > raxs* 'танец', *taqsir > taxsir* 'вина' и т. д.

Это превращение находит отражение в графике, где встречаются: *وخت* (вм. *وقت*), *میرخسن* (вм. *میرقصندر*) и др.;

6) падение конечного согласного d, z, r, n в некоторых словах: *ustā* (вм. *ustād*) 'мастер', 'маэстро', *čī* (вм. *čīz*) 'вещь', *da* (вм. *dar*) 'дверь', *xaу* (вм. *xaуr*) 'добро', 'ладно', *ta* (вм. *tan*) 'я', *ī* (вм. *īn*) 'он', 'этот', *darū* (вм. *dar-rūn*) 'внутри', 'внутрь';

7) удвоение согласных (главным образом плавных): *barrā* 'барашек', *darrā* 'долина', 'ущелье'. Встречается экспрессивное удвоение: *ssag* 'собака!'.
Для кабули характерно чрезвычайно широкое распространение инверсии и метатезы: *daryā > dayrā* 'река', *tifl > tilf* (араб.) 'ребенок', *pātnus > pāntus* (русск.) 'поднос', *ruх-šat > rusxat* (араб.) 'отпуск', 'отдых'.

Из других фонетических особенностей можно отметить:

1) появление начальной группы $x\omega$ в некоторых словах (что встречается в ряде таджикских говоров): *xwār* 'сестра', *xwāb* 'сон', *xwāstan* 'хотеть', *xwāja* 'ходжа'. При этом в литературном языке сочетание $x\omega$ встречается регулярнее, чем в просторечии;

2) произношение z на месте d в некоторых словах: *گنبد gumbaz* 'купол' (ср.: перс. *гомбād*, тадж. *гумбаз*), *استاد ustāz* 'мастер'. Интересно, что в просторечии кабули встречается обратное явление — произношение d вместо z : *gudaštan* 'проходить' (вм. *guzaštan*) (иногда и в графике *گدشتن*);

3) наращение конечного n в ряде слов, наблюдаемое отчасти и в таджикском языке, но неизвестное персидско-

му: *jātan* 'платье' (جامه), *yaхан* 'воротник' (ياخه), *qāltn* 'ковер' (тадж. қолин, перс. гали). В этой связи интересно указать на появление древнего *n* в слове *sō* 'сторона', которое используется в качестве отыменного предлога направления: *sōn-i Kābul* 'по направлению к Кабулу', 'в сторону Кабула' (см. стр. 57);

4) выпадение *r* перед смычным зубным: *kad* (вм. *kard*) 'он сделал', что характерно также для таджикского языка и не встречается в персидском;

5) избегание стечения двух или более согласных путем добавления протетического гласного: *istānsa* 'станция' (это явление наблюдается и в персидском языке), или (как в некоторых юго-восточных таджикских говорах) введения гласного между согласными (см. ниже, стр. 19). Характерно, что в кабули в отличие от персидского языка сохранились некоторые старые группы согласных *-sp*, *-št*, *-šk*: *iškam* 'живот' (перс. шекам), *uštur* 'верблюд' (перс. шотор) и др.;

6) наличие полугласного окончания *y* в словах на долгий гласный *ī* или *ā*, что в персидском языке не обязательно: *jāy* 'место', *rāy* 'нога', *rūy* 'лицо', *mūy* 'волосы'.

Одной из ярких особенностей фонетики кабули является, как уже отмечалось выше, отсутствие перехода *ā* в *ī* перед носовыми, столь характерного для персидского разговорного языка и в меньшей степени для таджикского. Слово *nān* 'хлеб', 'пища', 'еда' никогда не произносится в Кабуле *nūn*, что так привычно для слуха иранца.

Ударение

Ударение в кабули силовое, фиксированное; оно падает обычно на последний слог слова: *sār* 'голова', *sarāy* 'дворец', *sarāsār* 'от края до края', 'целиком'. Произношение слов типа *bāli* 'да', *wāli* 'но', *bālki* 'но', 'однако', *xēle* 'очень', 'много', *āyā* 'разве', *hātta* 'даже', *hāma* 'весь', 'все' составляет исключение. В произношении арабских слов действуют иногда другие правила ударения (см. стр. 19).

В сложных словах основное ударение падает на последний слог целого композита и второстепенное — на последний слог первого слова, входящего в его состав: *mō-tār-rānī* 'вождение автомашин'.

Из числа морфологических показателей, стоящих в конце слова, не принимают на себя ударения: изафетный показатель *-i*, послелог *rā* // *a*, местоименные энклитики, глагольная связка в краткой форме, а также соединительные

союзы *-u-*, *-ham*, подчинительный союз *ki*. Ударные форманты — все словообразующие суффиксы, в том числе суффиксы степеней сравнения прилагательных *-tar*, *-tarin* и окончания множественного числа имен: *-hā//ā -ān*, *-āt*, *-In*, *-ūn*.

Принимают ударение также глагольные формообразующие префиксы *mē-*, *bi-*, префиксы отрицания *na-*, *ma-* и словообразующие приставки глаголов *bar-*, *dar-*, *far-* и др.

Особенности произношения заимствованных слов

В арабских именах в винительном падеже, выполняющих роль наречий в языке кабули, сохраняется обычно такое же ударение, как в арабском языке, т. е. окончание *-an* безударно; ударение же, как правило, падает на второй от конца слог или на третий, если он долгий: *hātman* 'непременно', *awwālan* 'во-первых', *kāmīlan* 'вполне', 'совершенно'.

Арабские односложные имена, оканчивающиеся на „айн“, произносятся в кабули как двусложные, причем ударение остается на первом слоге: جمع *jāma* 'собрание', نوع *nāwa* 'образ', 'способ', قطع *qāta* 'прекращение', 'пресечение'. Такое слогоделение сохраняется и при изменении слова: *faisala-yi qāta'i* 'окончательное решение'.

Как отмечалось выше, для кабули не характерно стечение двух согласных в исходе слова. В таких случаях в арабских словах между согласными появляется гласный, качество которого зависит от предыдущего гласного, при этом ударение по-прежнему остается на первом слоге: *hū-kum* 'приказ' (от *hukm*), *fik̄r* 'мысль' (от *fikr*), но *fikrī* 'мысленный'.

Слова, заимствованные в кабули из афганского языка — пушту, также подвергаются здесь звуковому превращению. Ударение в них переносится на последний слог. Афганское *dz* заменяется на *j* или *z*, а *ts* на *č*: *Ĵadrān* (вм. афг. *Dzadrān*) — название места, *šōnzay* (афг. *šowan-dzay*) 'школа'. Теряется церебральный характер некоторых афганских согласных: *paštūn* (афг. *paštun*) 'пуштун'. Характерный для пушту звук *ə* „зваракай“ превращается в кабули в *a*, дифтонг *əy* — в дифтонг *ay*: *kōsay* (афг. *kotsəy*) 'войлочный халат'.

Слова, заимствованные из индийских языков (хинди, урду, пенджаби, лахнда и др.), в кабули претерпевают ряд фонетических изменений. Прежде всего происходит дезаспирация индийских согласных: *tāna* 'пограничный пост'

(из *thāna*), *čaunī* 'казарма' (из *čhaunī*), *lak* 'сто тысяч' (из *lakh*). Индийский финальный гласный *ā* превращается в *a*: *baja* 'час', *mēla* 'сельский праздник', *čūna* 'известь'. Индийские дифтонги *eu* и *ow* в кабули звучат как *au*, *āw*: *čawkāt* 'рамка' (из *čowkhat*). Вместо индийских церебральных *ṭ*, *ḍ* и *ṛ* употребляются соответственно *t*, *d* и *r*: *kōt wāl* 'префект полиции', *sarak* 'дорога'. Церебральное *ṇ* исчезает, например в *paka* 'веер' (из *phaṅkā*). Ударение в индийских словах, заимствованных в кабули, также переносится на конец слова.

Большинство английских слов и вообще заимствований из европейских языков, как известно, попадало в Афганистан через Индию, с чем и связаны значительные изменения в их звучании: *mitar* 'метр' (англ. *meter*), *lambar* 'номер' (англ. *number*), *falālain* 'фланель' (англ. *flannel*), *ištabrī* 'клубника' (англ. *strawberry*), *lilām* 'аукцион' (португ. *leilao*).

ГРАФИКА

Для кабули используется арабское письмо. Алфавит в кабули тот же, что и в персидском языке, т. е. арабский с добавлением четырех знаков для обозначения согласных.

Всего в алфавите 32 знака (см. табл. 2).

Арабская графика для письма на кабули представляет ряд неудобств, так как она приспособлена для передачи

Таблица 2

Название букв	Начертание букв				Звуки
	изолированное	в начале слова	в середине слова	в конце слова	
алиф	ا	ا	ا	ا	<i>a, ā</i>
бе	ب	ب	ب	ب	<i>b</i>
пе	پ	پ	پ	پ	<i>p</i>
те	ت	ت	ت	ت	<i>t</i>
се	س	س	س	س	<i>s</i>
джим	ج	ج	ج	ج	<i>ǰ</i>
чим	چ	چ	چ	چ	<i>č</i>

Название букв	Начертание букв				Звуки
	изолирован- ное	в начале слова	в середине слова	в конце слова	
ha-йи хутти	ح	ه	ح	ح	h
ха	خ	خ	خ	خ	x
дал	د	د	د	د	d
зал	ذ	ذ	ذ	ذ	z
ре	ر	ر	ر	ر	r
зе	ز	ز	ز	ز	z
же	ژ	ژ	ژ	ژ	ž
син	س	س	س	س	s
шин	ش	ش	ش	ش	s
сад	ص	ص	ص	ص	s
зад	ض	ض	ض	ض	z
та	ط	ط	ط	ط	t
за	ظ	ظ	ظ	ظ	z
айн	ع	ع	ع	ع	—
гайн	غ	غ	غ	غ	ɣ
фе	ف	ف	ف	ف	f
каф	ق	ق	ق	ق	q
каф	ك	ك	ك	ك	k
гаф	گ	گ	گ	گ	g
лам	ل	ل	ل	ل	l
мим	م	م	م	م	m
нун	ن	ن	ن	ن	n
вав	و	و	و	و	w
ha-йи хавваз	ه	ه	ه	ه	h
йа	ی	ی	ی	ی	y, i, ay

звуков арабского языка, которые качественно отличаются от звуков кабули, или вообще в нем отсутствуют. Поэтому для одного и того же звука существует несколько графических изображений: *t*—ت و ط; *s*—ث و س و ص; *z*—ذ و ض و ز; *h*—ح و ه.

Вместе с тем для передачи на письме двух фонем кабули *ī* и *ē* используется одна арабская буква *و*; точно так же для передачи *ī* и *ē* — буква *ی*. В связи с этим иногда заимствуются некоторые афганские графемы, например для обозначения звука *ē*. К знакам арабско-афганского алфавита прибегают иногда также для передачи заимствованных афганских слов.

Некоторые арабские буквы и знаки вообще не имеют никакого звукового выражения в кабули, но сохраняются в орфографии арабских слов: это *ع*, обозначающий арабский звук, который в кабули вообще не произносится, хотя и влияет на слоговое деление в слове (см. выше); знак *ء* „хамза“, передающий в арабском языке особый смывный гортанный согласный, используется в кабули в чисто орфографических целях, а именно, для изображения изафетного показателя *-i* или артикля *-ē* в словах, оканчивающихся на гласный *a* (на письме „*h* немое“): خانة ما *xāna-yi mā* ‘наш дом’, خانه *xāna-yē* ‘какой-то дом’.

Неудобство арабского алфавита также и в том, что краткие гласные *a*, *i*, *u* не имеют в нем буквенного выражения. Для их обозначения существуют особые надстрочные и подстрочные знаки, которые практически не употребляются. Это знаки *َ* „забар“ или „фатха“ для обозначения звука *a*, *ِ* „зер“ или „какра“ для обозначения краткого *i*, *ُ* „пеш“ или „дамма“ для обозначения краткого *u*.

Другие надстрочные знаки: *◌◌◌* „сукун“ указывает на отсутствие гласного звука после согласного: تحریر *tahrīr* ‘написание’, ‘письмо’; *◌◌◌◌* „ташдид“ обозначает удвоение согласного: بار *barra* ‘ягненок’; *◌◌◌◌◌* „мадда“ пишется над алифом, стоящим в начале слова, когда он обозначает долгий гласный *ā*; *◌◌◌◌◌◌* „васла“ встречается лишь в арабских словах над алифом (при написании арабского определенного члена *آل āl*); *◌◌◌◌◌◌◌* „танвин“ ставится над алифом или над „*h* немым“ для обозначения окончания *-an* в написании арабских слов, заимствованных в форме винительного падежа (в кабули эти слова имеют значение наречий), например *کاملان kāmīlan* ‘совершенно’, ‘полностью’.

МОРФОЛОГИЯ

Части речи

В кабули выделяются следующие части речи: существительное, прилагательное, местоимение, числительное, глагол, наречие, служебные слова (предлоги, союзы), междометия.

Части речи в кабули представляют собой ту же картину, что и в других иранских языках аналитического строя. Развитую систему флективного словоизменения имеет только глагол.

Именные части речи характеризуются полным отсутствием флексии, благодаря чему формальная грань между ними слаба, однако не настолько, чтобы сделать невозможным разграничение отдельных частей речи, например прилагательных и существительных. Едва ли имеются основания для выделения особой группы промежуточных слов (между существительными и прилагательными), как это делается некоторыми исследователями в отношении персидского и таджикского языков. Существительные и прилагательные отчетливо различаются прежде всего по своей семантике: *šēr* 'тигр' (существительное), *sēr* 'сытый' (прилагательное). Кроме того, есть и формальные различия: прилагательные образуют степени сравнения, употребляются в качестве второго члена изафетного словосочетания; существительным свойственна категория числа, способность сочетаться с предлогами и послелогом *-rā*, принимать артикль, выступать в качестве первого члена изафетных словосочетаний. Прилагательные не принимают перечисленных грамматических показателей; исключение составляют субстантивированные прилагательные: *kalān* 'большой' (прилагательное), *kalānhā* 'старшие', 'взрослые' (существительное). Имена существительные могут иногда выступать в роли качественного определения: *bāḡ-i mēwa* 'фруктовый сад' (*mēwa* 'фрукты' — существительное). Однако такое окказиональное использование существительных встречается, кроме кабули, во многих языках и не воспринимается при этом как адъективизация (ср. русское „человек долга“, „дело чести“ и др.).

Следует добавить, что количество прилагательных, не имеющих внешнего формального признака, отличающего их от имен существительных, в кабули сравнительно невелико. Это, в основном, старые качественные прилагательные: *xōš* 'хороший', 'приятный', *tāz* 'быстрый', *raḡ*

'чистый' и др., составляющие ныне непродуктивный класс слов.

Наиболее обширный слой лексики, все время пополняющийся, составляют производные имена прилагательные, образованные по словообразовательным моделям, характерным для этой части речи. Таковы сложные прилагательные типа *xōšrang* 'красивый', 'приятной расцветки' (из *xōš* 'хороший' и *rang* 'цвет'), прилагательные типа *būy-nāk* 'пахучий', 'ароматный' (из *būy* 'запах' и *nāk* — суффикс, образующий прилагательные со значением обладания определенным качеством).

В словообразовании существительных и прилагательных имеются общие моменты (отдельные суффиксы, некоторые общие типы словосложения), однако продуктивные способы словообразования, как правило, не совпадают.

Словообразование существительных и прилагательных

Словообразование в кабули осуществляется как путем словосложения, так и путем суффиксации и—реже—префиксации.

В большей своей части словообразовательные суффиксы и префиксы кабули те же, что в персидском и таджикском языках. Однако имеются частые расхождения в их значении, употреблении и степени продуктивности. Вместе с тем в кабули имеются особые суффиксы, не встречающиеся в персидском и таджикском.

Словообразование с помощью суффиксов и префиксов¹⁰. Словообразующие суффиксы имен существительных:

-*stān* (-*istān*), при помощи которого образуются слова со значением места, изобилующего чем-либо, или названия страны, области: *rēgistān* 'песчаная пустыня' (от *rēg* 'песок'), *Kāfiristān* 'Кафиристан' (букв.: 'страна кафиров')—область в Афганистане;

-*gar*||-*gār*, -*čī* — образующие имена деятеля: *baz(r)gar* 'крестьянин' (от *bazr* 'семя', 'зерно'), *wailōnčī* 'скрипач' (от *wailōn* 'скрипка'). Ср. также *γaznčī* 'газиец';

¹⁰ Здесь приводятся наиболее продуктивные суффиксы, а также суффиксы, которые, хотя и имеют ограниченное употребление, но не подверглись сращению и воспринимаются как морфемы. Устаревшие суффиксы типа -*ūr* (*muzdūr* 'поденщик'), -*lāx* (*sanglāx* 'каменистый'), -*ān* (*arzān* 'дешевый') не рассматриваются.

-iš(-yiš)—служит для образования имен действия от глагольных основ настоящего времени: *xāniš* 'чтение' (от *xāndan* 'читать', осн. наст. вр. *xān*), *numāyiš* 'представление', 'зрелище' (от *numūdan* 'показывать', осн. наст. вр. *numā*);

-ār—старый суффикс, встречающийся в словах со значением имени действия: *raftār* 'ход', 'аллюр', 'марш', 'движение' (от *raftan* 'идти') или имени деятеля: *xwāstār* 'желающий', 'претендент' (от *xwāstan* 'хотеть');

-bān (-wān)—суффикс, образующий названия лиц, заботящихся о чем-либо: *šaturwān* 'погонщик верблюдов'. В кабули этот суффикс встречается также в ряде местных терминов, обозначающих профессию: *gādīwān* и *bagīwān* 'извозчик', *mōtarwān* 'шофер', *tayārawān* 'летчик', 'пилот';

-dānī—своеобразная местная форма суффикса *-dān*, образующего имена со значением вместилища, сосуда: *gul-dānī* 'ваза для цветов', *čāydānī* 'коробка для чая';

-ā—чрезвычайно продуктивный и многозначный суффикс. Образует имена существительные от прилагательных, числительных и существительных же, причем производное слово имеет более конкретное значение, например: *panja* 'пятерня' (от *panj* 'пять'), *sawza* 'травя' (от *sawz* 'зеленый'), *nōla* 'носик' (чайника) (от *nōl* 'клюв');

ī- (после гласных *-yī* или *-gī*)—один из наиболее употребительных суффиксов, образующий имена существительные с абстрактным значением: *rōšanī* 'свет' (от *rōšan* 'светлый'), *katta-gī* 'толщина', 'величина' (от *katta* 'большой'), *nafarī* 'личный состав', 'персонал' (от *nafar* 'человек'), *maydafurōšī* 'мелкая розничная торговля' (от *maydafurōš* 'мелочной торговец'). Часто сам композит, от которого образовано абстрактное существительное, не встречается, например: *awāxurī* 'прогулка'. Имеет место плеонастическое употребление этого суффикса: *taslīmī* 'вручение', 'сдача' (от *taslīm* 'вручение');

-bāb—суффикс, восходящий к самостоятельному слову со значением „пригодный“, „относящийся к...“ (ср. тадж. *боб*, например в слове *хурданбоб* 'все, что пригодно для еды', т. е. 'пища', 'еда'). В кабульском диалекте *-bāb* служит для образования существительных со значением множественности: *mōtarbāb* 'автомшины'. В литературно-письменном языке этот суффикс широко образует видовые понятия: *sawzībāb* 'овощи' (от *sawzī* 'зелень'), *naftbāb* 'нефтепродукты' (от *naft* 'нефть', 'керосин'), *kafšbāb* 'обувь' (от *kafš* 'туфли'). Часто существительные с суффиксом *-bāb* обозначают совокупность предметов, воспринимаемую как единое понятие (как товар, отрасль хозяйства, статья

экспорта и т. д.): *ḡallabāb* 'зерновые' (от *ḡalla* 'зерно'), *alaḡbāb* 'кормовые травы' (от *alaḡ* 'трава'), *ḡarmbāb* 'кожевенный товар' (от *ḡarm* 'кожа'); *qālīnbāb* 'ковровые изделия' (от *qālīn* 'ковер');

-wālā—суффикс индийского происхождения; встречается не только в словах, заимствованных из индийских языков (напр.: *mantarwālā* 'заклинатель змей'), но часто присоединяется и к иранским корням, а также к арабским и иным заимствованиям. Этот продуктивный суффикс употребляется в кабули почти с теми же многочисленными оттенками, что и в индийских языках, обозначая название лица определенной профессии, лица, владеющего чем-либо или продающего что-либо, а также лица, проживающего где-либо, и т. д., например: *axbār wālā* 'журналист' (*axbār* 'газета'), *šīr wālā* 'молочник', 'продавец молока' (от *šīr* 'молоко'), *bāysikal wālā* 'владелец велосипеда', 'велосипедист' (от *bāysikal* 'велосипед'), *šahr wālā* 'горожанин', 'житель города' (от *šahr* 'город');

-andar—старый суффикс, восходящий к самостоятельному слову со значением 'другой' (ср. санскритское *antara*, осетинское *āndar* 'другой'). В современном персидском суффикс *-andar* утрачен, в кабули (и таджикском) — сохраняется, образуя слова типа *mādar-andar* 'мачеха' (от *mādar* 'мать'), *padar-andar* 'отчим' (от *padar* 'отец'), *duxtar-andar* 'падчерица' и др.

Суффиксы субъективной оценки: уменьшительно-ласкательный *-ča* (реже *-iča*): *bāḡča* 'садик' (от *bāḡ* 'сад'), а также необычайно продуктивный суффикс *-ak*, присоединяемый как к существительным, так и к прилагательным: *mūšak* 'мышка', *mazlūtak* 'беденький', 'обиженный'. (В говорах и диалектах встречается удвоенная форма этого суффикса *-akak* подобно таджикской: *чашмакако* 'глазенки'.) Суффикс *-ak* образует также и новые слова, в частности со значением инструментов, приспособлений: *mūyčīnak* 'пинцет для выдергивания волос' (от *mūy* 'волосы' и *čīn*—осн. наст. вр. глагола *čīdan* 'срывать') или названия животных: *xārpuštak* 'ежик' (от *xār* 'шип', 'колючка' и *pušt* 'спина').

Интересен фонетический вариант этого суффикса *-gak*, появляющийся в словах с исходом на любой гласный: *xānagak* 'домик' (от *xāna* 'дом'), *bačagak* 'ребеночек', 'мальчонка' (от *bača* 'мальчик', 'ребенок'), *kulāgak* (техн.) 'головка', 'колпачок' [от *kulā(h)* 'шапка'].

Суффиксы *-ak* (*-gak*) вообще способствуют, по-видимому, эмоциональной окраске выражения, чем объясняется

их необычайно частое использование в экспрессивной устной речи (особенно в просторечии), причем они могут присоединяться почти к любому члену предложения: *bāš rō-zakē!* 'побудь еще денечек!' *biyā injāgak* 'поди-ка сюда!'

Отметим еще суффикс, придающий ласкательно-уважительный оттенок, *-jī* (индийское заимствование). Он употребляется иногда при обращении к уважаемым лицам, добавляется к титулам: *lālājī* 'дяденька' (*lālā*—обращение к дяде).

Имена прилагательные характеризуются следующими словообразовательными суффиксами:

-ī (фонетические варианты: после долгих гласных *-yī*, после краткого *a*—*gī* и *-wī*)—так называемый *yā-yī nisbat*, т. е. „ī отношения“—необычайно продуктивный суффикс. С помощью этого суффикса образуются относительные прилагательные, в частности прилагательные, указывающие на материал или источник (в том числе источник во времени), на происхождение лица (различные этнические названия), вообще на принадлежность и отношение в самом широком смысле: *sangī* 'каменный' (от *sang* 'камень'), *āsmānī* 'небесный' (от *āsmān* 'небо'), *imrōzī* 'сегодняшний' (от *imrōz* 'сегодня'), *kābulī* 'кабульский', (*h*)*azāragī* 'хазарейский', *taumanagī* 'майманиец', *injāyī* 'здешний' (от *injā* 'здесь'). Иногда прилагательные с этим суффиксом указывают на отношение по сходству: *gōspandī* 'покорный, как овца' (от *gōspand* 'овца');

-wī—суффикс, происхождение которого связано с заимствованием арабского суффикса относительных прилагательных *-vī*, например: *dunyavī* 'мировой', 'всемирный' (от *dunya* 'мир'). Местный фонетический вариант суффикса *-ī* (с вставным *w* для уничтожения зияния) развился, по-видимому, по аналогии с арабским. Поэтому в кабули с помощью суффикса *-wī* образуются прилагательные не только от арабских слов типа *tarbiyawī* 'воспитательный' (от *tarbiya* 'воспитание'), но и от многих других слов с исходом на „а“, например: *afsānawī* 'сказочный' (от *afsāna* 'сказка'), *namūnawī* 'образцовый' (от *namūna* 'образец'), *britānawī* 'британский' (от *Britāniyā* 'Британия'). Примечательны случаи взаимозамены *-wī* и *-gī*, например: *gir-āwardawī* 'пойманный', 'выловленный' (вм. *gir-āwardagī*). В персидском языке этот суффикс неупотребителен, в таджикском же, по-видимому, имеет еще более универсальное употребление, в частности образует большое число прилагательных—неологизмов: *музыкавӣ* 'музыкальный', *операвӣ* 'оперный', *фабрикавӣ* 'фабричный' и т. д.;

-mand, -nāk, -yār, -wār—суффиксы, образующие имена прилагательные со значением обладания каким-либо качеством: *dawlatmand* 'богатый' (от *dawlat* 'богатство'), *γāmnāk* 'горестный', 'печальный' (от *γam* 'горе'), *hūšyār* 'разумный', 'умный' (от *hūš* 'разум'), *nāmwār* 'знаменитый' (от *nām* 'имя'). Суффикс *-nāk* в кабули более продуктивен, чем в персидском языке, и сближается по значению с таджикским *-нок* в том отношении, что может обозначать обладание в более широком смысле: *būynāk* 'ароматный', 'обладающий запахом', *pūlnāk* 'денежный', 'с деньгами' и т. д.;

-āna (после гласных *-gāna*), присоединяясь к существительным, образует прилагательные, которые одновременно имеют значение наречий: *dōstāna* 'дружеский' и 'дружески' (от *dōst* 'друг'), *bačagāna* 'детский' и 'по-детски' (от *bača* 'ребенок'), *rōzāna* 'ежедневный' и 'ежедневно' (от *rōz* 'день'). Присоединяясь к прилагательным, суффикс *-āna* образует слова главным образом со значением наречий: *sari'āna* 'быстро' [от *sari* (араб.) 'быстрый']. При помощи этого же суффикса образуются слова, обозначающие расходы определенного назначения: чаевые, гонорар и т. д.: *tōyāna* 'расходы на свадьбу' (от *tōy* 'свадьба'); *šāgirdāna* 'сумма, которая дается „на чай“ помощнику портного', букв.: 'ученический' (от *šāgird* 'ученик');

-wār—малопродуктивный суффикс, встречающийся лишь в нескольких словах: *umēdwār* 'надеющийся' (от *umēd* 'надежда') и некоторых других. В кабули он интересен тем, что образует ряд прилагательных от имен существительных, обозначающих отрезок времени: *māhwār* 'ежемесячный', 'ежемесячный журнал', *haftawār* 'еженедельный', 'еженедельная газета или журнал'. В своем старом значении подобия этот суффикс уже не встречается, уступив место весьма продуктивному *-wārī*;

-wārī—суффикс подобия, восходящий, по-видимому, к послелогу и характерный более для просторечия. Образует слова с адъективно-адвербиальным значением: *zanwārī* 'подобный женщине' и 'подобно женщине', 'как женщина' (см. пример 1). В персидском языке как разговорном, так и литературном этот суффикс не встречается. В таджикском ему соответствует послелог *барин*; среди его фонетических видоизменений в некоторых говорах Таджикистана, в частности в юго-восточных, зафиксирована и форма *-wārī*;

īn—суффикс относительных прилагательных. В кабули он часто встречается в более старой форме *-īna*, характерной также и для таджикского языка: *šabīna* 'ночной' (от *šab* 'ночь'), *dōšīna* и *dīrōzīna* 'вчерашний' (от *dōš* или

dirōz 'вчера'), *pēština* 'передний' (от *pēš* 'перед'), *zērīna* 'нижний' (от *zēr* 'низ') и т. д.;

-*ūk*—суффикс, образующий прилагательные, указывающие на какое-либо примечательное качество или привычку: *časpūk* 'клеякий', 'липкий' (от *časp* 'клей'), *xāwūk* 'сонливый' (от *xāw* 'сон').

Как отмечалось выше, прилагательные могут принимать суффиксы субъективной оценки, в частности суффикс *-ak* (*-gak*): *siyāgak* 'черненький' [от *siyā(h)* 'черный'].

К словообразовательным суффиксам существительных и прилагательных условно могут быть отнесены также *-ā*, *-ān*, *-inda*—суффиксы старых форм причастий настоящего времени,—слов, которые в значительной степени утратили свои глагольные свойства и переходят в разряд существительных и прилагательных (см. раздел „Глагол“).

К словообразующим префиксам относятся:

nā- образует прилагательные, обозначающие отсутствие какого-либо качества: *nājōr* 'нездоровый', 'больной' (от *jōr* 'здоровый'), *nākār* 'бесполезный' (от *kār* 'дело'), *nādān* 'невежественный' (от основы настоящего времени глагола *dānistān* 'знать');

bē- имеет аналогичное значение: *bēgunā(h)* 'невинный' [от *gunā(h)* 'грех', 'вина'], *bēkār* 'безработный' (от *kār* 'работа'). Прилагательные, образованные при помощи этого префикса, могут иметь значение наречия: *bēparda* 'открыто', 'напрямик' (от *parda* 'занавес', 'завеса');

ham- префикс, образующий имена прилагательные и существительные со значением совместности, соучастия: *ham-safar* 'спутник', 'попутчик' (от *safar* 'путешествие', 'поездка'), *hamwatan* 'соотечественник' (от *watan* 'отечество'), *hamsāya* 'соседний', 'сосед' (от *sāya* 'тень').

Словосложение. Среди сложных слов копулятивного типа наиболее характерны сочетания двух слов или основ с помощью соединительного гласного *-u-* (после основ на гласный — *-wu-*). Копулятивы могут быть глагольными, когда сочетаются основы настоящего или прошедшего времени двух глаголов или две основы одного и того же глагола: *gīr-u-dār* 'скандал', 'ссора', 'драка', букв.: 'хватай — держи' (от *gīr* — осн. наст. вр. глагола *girištan* 'брать', 'ловить' и *dār* — осн. наст. вр. глагола *dāštan* 'держат'), *āmad-u-raft* 'посещение', букв.: 'приход — уход' (от *āmad* — осн. прош. вр. глагола *āmadan* 'приходить' и *raft* осн. прош. вр. глагола *raftan* 'уходить'), *būd-u-bāš* 'пребывание', 'жительство' (от *būd* осн. прош. вр. *būdan* 'быть', 'существовать' и *bāš* осн. наст. вр. того же глагола). В именных копулятивах

сочетаются два прилагательных или два существительных; это могут быть и слова, близкие по семантике, и антонимы: *rōz-u-šaw* 'день и ночь', 'все время' (от *rōz* 'день' и *šaw* 'ночь'), *šyā-wu-safēd* 'пестрый' (от *šyā* 'черный' и *safēd* 'белый'). Часты случаи сочетания созвучных слов: *zard-u-zār* 'хилый', 'болезненный' (от *zard* 'желтый' и *zār* 'тощий'). Многочисленны также аллитерирующие и рифмующие сочетания, в которых второй элемент не имеет самостоятельного значения: *tār-u-mār* 'разгромленный', 'уничтоженный' (от *tār* 'нить', 'волос'). Сюда же относятся звукоподражательные слова со значением шума, лязга, бряцания и т. д.: *šarang-u-tarang* 'звон', 'звякание'.

Очень распространены в кабули сложные слова, образованные путем повторов. Такие композиты обычно указывают на частоту или интенсивность действия, на усиление качества и т. д. Различаются простые повторы, т. е. полное повторение слова: *dawīdan-dawīdan* 'беганье', 'суматоха' (*dawīdan* 'бегать'), *bīzan-bīzan* 'стычка', 'драка', 'потасовка' (повторяется форма повелительного наклонения единственного числа глагола *zadan* 'бить'); *pāra-pāra* 'разорванный в клочья' (*pāra* 'кусок', 'клок'); *rēg-rēg* 'в крапинку' (*rēg* 'песок') и повторы в которых, слова могут быть соединены при помощи предлога: *dast-ba-dast* 'рука об руку' (*dast* 'рука') или соединительного гласного *-ā-*: *sar-ā-sar* 'весь', 'целиком' (*sar* 'конец').

Среди детерминативных сочетаний наиболее продуктивен тип, именуемый в традиционной терминологии *tatpuruṣa*, т. е. сочетания: имя+основа настоящего времени глагола. Таким путем образуются преимущественно имена прилагательные, имеющие в субстантивном употреблении значение имени деятеля, используемые иногда также для обозначения предметов домашнего обихода: *pēšraw* 'передовой', 'предводитель' (*pēs* 'перед', *raw* осн. наст. вр. глагола *raftan* 'идти'); *nēkx^wāh* 'доброжелательный', 'добрый' (*nēk* 'хороший', 'добрый', *x^wāh* осн. наст. вр. глагола *x^wāstan* 'хотеть', 'желать'); *tekkafurōš* 'продавец тканей' (*tekkā* 'ткань', 'текстиль', *furōš* осн. наст. вр. глагола *furōxtar* 'продавать'), *qandgīr* 'щипцы для сахара' букв.: 'берущий сахар' (*qand* 'сахар', *gīr* осн. наст. вр. глагола *giriŋtan* 'брать'). Примечательно употребление ряда прилагательных, образованных по этому типу, как, например: *mōtar-rāw* 'шоссе', букв.: 'пригодный для проезда автомобилей' (*mōtar* 'автомобиль', *raw* осн. наст. вр. глагола *raftan* 'идти', 'следовать'). Некоторые глагольные основы, особенно часто встречающиеся в подобного рода композитах, подчас воспринимаются как своего рода словообразовательные фор-

манты, например при помощи *dār* (осн. наст. вр. глагола *dāstan* 'иметь') может быть образовано неограниченное количество новых слов с общим значением обладания: *xārdār* 'колючий' (от *xār* 'колючка'), *sahmdār* 'акционер' (от *sahm* 'акция'), *bačadār* 'имеющий детей' (от *bača* 'ребенок') и даже *zan-u-bača-dār* 'семейный' (от *zan* 'жена', *bača* 'ребенок', *u* — соединительный союз).

К этому же типу сложных слов следует отнести сочетания, второй частью которых служит именная часть сложного глагола (глагольная основа здесь как бы подразумевается), например 'композит *xudkār* 'автоматический', 'автомат' (от *xud* 'сам', *kār* 'работа'), что воспринимается как сокращенное *xudkārkun* (т. е. как образованное от *xud* 'сам' и *kār kardan* 'работать').

Из других типов детерминативных сложных слов для существительных характерны:

1) сочетание двух существительных, из которых второе определяется первым (так называемый обратный изафет): *gul-dasta* 'букет цветов' (от *gul* 'цветок', *dasta* 'букет'), *Kābulzamīn* 'кабульский край' (от *Kābul* 'Кабул', *zamīn* 'земля'). Здесь наиболее многочисленны образования, вторым элементом которых служат слова *xāna* 'дом', *nāma* 'книга', 'письмо', *bačā* 'дитя', 'ребенок', приближающихся по своему характеру к суффиксам, например: *šifāxāna* 'госпиталь', 'больница' (от *šifā* 'лечение'), *jangnāma* 'сказание о войне', название эпического жанра (от *jang* 'война'), *kōhbača* 'холм', 'отроги гор' (от *kōh* 'гора');

2) сочетание существительного с определяющим его прилагательным (так называемый случай 'падения изафета': *rīšsafēd* 'старейшина' (от *rīš* 'борода', и *safēd* 'белый'), *bābā-kalān* 'дед' (от *bābā* 'отец' и *kalān* 'большой');

3) сочетание существительного с основой прошедшего времени глагола: *jāyādād* 'поместье' (от *jāy* 'место' и осн. прош. вр. глагола *dādan* 'давать'), просторечное *āftawbarāmad* 'восток' (от *aftaw* 'солнце' и осн. прош. вр. глагола *barāmadan* 'восходить', 'подниматься').

Весьма продуктивен такой тип образования сложных прилагательных — имя прилагательное + существительное: *tēzbāl* 'быстрокрылый' (от *tēz* 'быстрый' и *bāl* 'крыло'), *nēknām* 'честный', 'имеющий хорошую репутацию' (от *nēk* 'хороший', 'добрый' и *nām* 'имя'). При этом некоторые прилагательные, в частности *pur* 'полный', *xōš* 'хороший', 'приятный', *bad* 'плохой', 'злой', по выполняемой функции приближаются к словообразующим префиксам: *bādbaxt* 'несчастливый', *xōšbaxt* 'счастливый' и др.

Сочетание — имя числительное + имя существительное (часто с присоединением суффикса *-a*) дает также сложное прилагательное: *čārpaū* ‘четвероногий’, в субстантивном употреблении ‘животное’ (от *čār* ‘четыре’, *pāu* ‘нога’); *dunafarā* ‘двухместный’, ‘на двух человек’ (от *du* ‘два’, *nafar* ‘человек’, *-a* — суффикс).

Второй частью сложного прилагательного может служить и причастие прошедшего времени: *dildāda* ‘влюбленный’ (букв.: ‘отдавший сердце’).

Довольно часты сочетания из двух существительных, образующие прилагательные со значением сходства, подобия: *gulrang* ‘розовый’, ‘цвета розы’, ‘цветом, как роза’, или *āhūčāsm* ‘серноокая’, ‘с глазами, как у серны’.

Имя существительное

Число имен существительных. Форма единственного числа существительных в кабули обозначает не только отдельный единичный предмет, но категорию подобных предметов, и таким образом служит для выражения родового понятия: *kitāb* значит ‘книга’ и ‘книги вообще’; *man kitāb xōš dāram* ‘я люблю книги’. Форма множественного числа выражает не только раздельную множественность, но и совокупность.

Аффиксы множественного числа, употребляемые в кабули, общи в своей основе и для персидского и таджикского языков; однако имеются некоторые особенности в их употреблении. Основной способ образования множественного числа — присоединение ударного аффикса *-hā* (в беглой речи *-ā*). Этот аффикс универсален; он имеет преимущественное употребление как в литературно-письменном языке, так и в разговорном, присоединяясь к именам существительным независимо от их семантики и происхождения: *šāgirdhā* ‘ученики’, *mulkhā* ‘страны’, ‘государства’. В беглой речи этот аффикс звучит *-ā*, что отражается в графике: *رښ, rēgā* ‘пески’ и *لښ, zanā* ‘женщины’. Нередки случаи образования при помощи этого аффикса формы так называемого вторичного множественного числа — обычно от арабских слов в форме ‘ломаного’ множественного числа: *awlād* ‘дети’ (*awlād* ‘дети’ от *walad* ‘ребенок’, ‘сын’), *ašxāshā* ‘лица, люди’ (*ašxās* ‘лица’ от *šaxs* ‘человек’, ‘личность’) и даже от незаимствованных слов: *mardumhā* ‘люди’, ‘народ’ (*mardum* ‘народ’).

Аффикс *-ān* (фонетические варианты *-yān* и *-gān*) встречается реже и более характерен для поэтического языка:

kārwānān 'караваны' (ед. ч. *kārwān*), *mūrġagān* 'муравьи' (ед. ч. *mūrġa*). Интересно его появление в последнее время в официальном языке в арабских словах, обозначающих лиц (вместо общепринятого в таких случаях арабского окончания *-īn* или арабской формы ломаного множественного): *muallimān* 'учителя' (вм. *muallimīn*), *safrān* 'послы' (вм. *sufarā*).

Арабский аффикс *-āt* (вариант *-jāt*) в кабули широко употребителен; характерно, что аффикс встречается не только при арабских словах: *jangalāt* 'леса' (ед. ч. *jangal*), *kušīšāt* 'усилия', 'старания' (ед. ч. *kušīš*), *kōhistānāt* 'горы', 'горные районы' (ед. ч. *kōhistān*), *tiligrāmāt* 'телеграммы'. В кабули очень заметна чисто словообразовательная роль этого аффикса, когда он наряду со значением множественности придает существительным более конкретное значение, а иногда образует совершенно новые слова с иной семантикой: так, от *tawrīd* 'ввоз', 'импорт' имеем *tawrīdāt* 'предметы ввоза', 'импортные товары'; от *furōš* 'продажа', *furōšāt* 'операции по продаже'. Ср. также *kārāt* 'военные действия', 'операции' (от *kār* 'дело').

Фонетический вариант этого аффикса *-jāt* проявляется только в словах с исходом на *-a* (в графике *h* немое), при этом, согласно орфографии кабули, *h* немое сохраняется: *حسه جات* (*h*)*issajāt* 'части', 'районы' (ед. ч. *حسه* *hissa*), *پرزه جات* *purzajāt* (техн.) 'детали', 'части машин' (ед. ч. *پرزه* *purza*), *قلعه جات* *qalajāt* 'крепости', 'укрепленные дома' (ед. ч. *قلعه* *qala*).

Арабский аффикс *-īn* образует множественное число от арабских слов со значением лиц мужского пола: *muštārikīn* 'участники', 'компаньоны', 'абоненты'.

В арабских словах, оканчивающихся на *-ī* (суффикс относительных прилагательных), показателем множественного числа служит аффикс *-ūn*: *millīyūn* 'националисты' (ед. ч. *milī* 'национальный', 'народный', 'националист').

В нескольких случаях встречается форма арабского двойственного числа с аффиксом *-ayn*: *tamlakatayn* 'оба государства' (ед. ч. *tamlakat*).

Арабские заимствования, а по аналогии с ними и другие слова, могут образовывать множественное число не при помощи аффиксов, а путем изменения гласных основы (внутренняя флексия). Это так называемое ломаное множественное число, типы которого весьма разнообразны; они обычно даются в словаре: *kitāb* 'книга', мн. ч. *kutub*. Иногда слово, приняв форму ломаного множественного числа, изменяет свою семантику: *xabar* 'известие', но *axbār* 'газета'.

Артикль. Основная функция приименного постпозитивного артикля - *e* может быть определена как выделительная; артикль служит для конкретизации, в частности, для выделения предметов и явлений из ряда им: подобных и для выражения единичности или неопределенности. Наличие артикля всегда указывает на предметную соотнесенность имени существительного (см. пример 2). Кроме того, единичность и неопределенность предмета может быть выражена также с помощью числительного *yak* 'один', заменяющего в таком случае артикль: *yak bāḡ* 'один какой-то сад' (букв.: 'один сад'). Встречается употребление числительного *yak* наряду с артиклем *yak bāḡē*.

Слово, к которому относится придаточное определительное предложение, также обычно принимает артикль. (См. стр. 61.)

Если существительное имеет при себе определение, артикль относится ко всему словосочетанию: *pīrmard-i 'ājizē* 'один (какой-то) немощный старик'; однако возможно и *pīrmardē 'ājiz* (см. пример 3).

Способность принимать артикль — свойство имени существительного. Другие категории слов (прилагательные, причастия и др.) могут иметь при себе артикль только в случае, если они используются в значении имени существительного.

Послелог *rā* (разговорное *ra*, *a*). Употребление послелога *ra* одно из важных средств выражения релятивных отношений в кабули — наряду с предлогами, изафетной конструкцией и т. д.: (См. раздел „Некоторые черты синтаксиса“.) Послелог *rā* произносится слитно со словом, к которому относится, и не принимает на себя ударения: *kitāb-rā* 'книгу'. В разговорной речи встречаются его фонетические варианты *ra* (после гласных) и *a* (после согласных): *xāna-ra dīd* 'он увидел дом', *sang-a bitī* 'подай-ка камень'. В кабули послелог *rā* служит не только для оформления прямого объекта, но также выражает ряд других объектных отношений. Основные его функции следующие:

1. Оформление прямого объекта при переходных глаголах: *Sanak kitāb-rā xānd* 'Санак прочитал книгу'. При этом послелог может относиться как к отдельному слову (существительному, местоимению, числительному), так и к словосочетанию: *hawā-yi sāf-i xunuk-rā xōš dāram* 'люблю ясную морозную погоду' (см. пример 4). Однако не всегда прямой объект оформляется послелогом, а лишь в случае, если речь идет о вполне конкретном, известном или ранее упоминавшемся предмете. (Поэтому употребление

последлога обязательно при прямом дополнении, выраженном именем собственным, местоимением или именем с местоименной энклитикой. В остальных случаях последлог *rā* может отсутствовать.) Сравним две фразы: *nān biyār!* 'принеси хлеба!' (т. е. хлеба вообще) и *nān-rā biyār!* 'принеси хлеб!' (т. е. конкретный хлеб, о котором шла речь) (см. пример 5).

2. Оформление косвенного дополнения. Здесь различаются несколько случаев, упомянем некоторые из них:

а) последлог *rā* ставится при существительном, обозначающем адресат действия, особенно при глаголах *dādan* 'давать' и *guftan* 'говорить': *māmā zāḡ-rā nān dād* 'дядя дал вороне хлеба'; *drāywar mā-rā guft farāyēd!* 'шофер сказал нам: сходите!' (см. примеры 6, 7);

б) указывает на обладателя чего-либо при глаголах бытия, в том числе в оборотах типа „у меня есть“ (примеры 8, 9) *ma-rā aḡḡanī yād ast* 'я знаю (букв.: 'у меня в памяти есть...') афганский язык';

в) оформляет дополнение при глаголе *šudan* в значении „случаться“, „происходить“: *Begum-rā čī šudā ast?* 'что случилось с Бегум?', а также в других случаях (см. пример 10).

В диалекте Кабула последлог *ra* может выступать в сочетании с предлогами, что типично и для многих диалектов Таджикистана (ср. пример, приведенный А. Фархади в его „Грамматике“: *az mā-ra raft q as* 'он нам приятель'; 'он наш приятель').

Особенно широкие функции были свойственны последлогу *rā* в языке классического периода. В современном персидском языке они, как известно, значительно сузились, в литературном таджикском сузились, но менее. Что касается кабули, то он обнаруживает наибольший консерватизм в области синтаксического использования этого последлога, сближаясь в этом отношении с некоторыми таджикскими говорами.

Имя прилагательное

Прилагательные в предложении выступают в роли определения (атрибутивная функция), именной части сказуемого (предикативная функция) и обстоятельственного слова (адвербиальная функция).

Выступая в роли определения, прилагательное может просто предшествовать определяемому, примыкая к нему: *xūb bača* 'хороший мальчик', *yak kalān ādam* 'солидный человек'. Такой порядок слов характерен более для эмо-

ционально окрашенной речи, что наблюдается также в таджикском языке и редко — в персидском. Однако наиболее типичным способом связи прилагательного-определения с определяемым именем является изафетная конструкция, при которой определяемое принимает особый безударный суффикс *-i//-yi*, так называемый изафетный показатель (от слова *اضافه izāfa* 'добавление'), а определение следует за ним: *film-i dilčasp* 'интересный фильм'.

Изафетный показатель в графике изображается через *ی*, если слово, к которому он относится, кончается долгим гласным: *فضای خنک fazā-yi xunuk* 'холодный воздух'. При словах, оканчивающихся на *ه* (*h* немое), он может быть обозначен с помощью хамзы ' : *بچه خوب bača-yi xūb* 'хороший мальчик'. Наконец, в словах с исходом на согласный изафетный показатель на письме никак не изображается: *شهر کلان šahr-i kalān* 'большой город'.

Изафетная конструкция представляет собой такое словосочетание, к которому артикль, предлоги, послелог *rā*, местоименные энклитики присоединяются так же, как если бы это было одно слово: *az šahr-i kalānē āmada asb* 'он приехал из большого города', *šahr-i kalān-i mā* 'наш большой город', *(h)ēč šahr-i kalāne-ra دیدēd?* 'видели ли вы какой-нибудь большой город?'

Качественные прилагательные, как правило, могут выполнять в предложении и адвербиальную функцию (обстоятельство образа действия): *tēz* 'быстрый', 'скорый', *no tēz mērawad* 'быстро едет', 'движется'. Однако значительная часть прилагательных, особенно сложные (производные), выступая в роли обстоятельств, принимают особые суффиксы, в частности суффикс *-āna*: *jasūr* 'смелый', *jasūrāna* 'смело'; *badbaxt* 'несчастный', *badbaxtāna* 'по несчастью', 'к несчастью'.

Степени сравнения. Форма сравнительной степени имен прилагательных образуется при помощи суффикса *-tar*, а форма превосходной степени при помощи суффикса *-tarīn*: *kalān* 'большой', *kalāntar* 'больший', *kalāntarīn* 'наибольший'. Интересно отметить, что суффикс сравнения *-tar* характерен и для наречий: *pas* 'поздно', *pastar* и *pasāntar* 'позднее', *ziyād* 'много', *ziyādatar* 'больше' (по количеству).

Прилагательные в превосходной степени с суффиксом *-tarīn* входят в изафетную конструкцию: *kōh-i balandtarīn* 'высочайшая гора' (см. также пример 11). Такое явление имеет место и в таджикском языке в противоположность персидскому, где прилагательные с этим суффиксом всег-

да примыкают к существительному в препозиции. При выделении предмета, превосходящего ряд однородных предметов по какому-либо признаку, прилагательное в превосходной степени ставится перед существительным во множественном числе и соединяется с ним изафетом: *kalāntarīn-i šahrhā* 'крупнейший из городов'.

Сравнительная и превосходная степени качества могут быть выражены и описательно: *Dzalmay az Maḥmūd kalān ast* 'Дзальмай старше Махмуда'; *ū az hama kalān būd* 'он был старше всех (т. е. самым старшим)'.

Для кабули наиболее характерно именно синтаксическое выражение степеней сравнения. Наряду с отмеченными выше оборотами имеется особая конструкция сравнения, которая строится при помощи предлога *az* и причастия прошедшего времени *karda* (разг. *kada*) от глагола *kardan* 'делать': *man az tu karda kalān-am* 'я старше тебя'; *man az hama karda kalān-am* 'я старше всех'. Эта конструкция широко употребляется как в устно-разговорном, так и в литературно-письменном языке (см. примеры 12—15). В персидском языке нет подобной конструкции; однако в таджикском имеется аналогичная конструкция с использованием причастия *дида* (от глагола *дидан* 'видеть').

Способность к образованию степеней сравнения—важнейший из грамматических признаков имен прилагательных. Случаи присоединения суффиксов *-tar* и *-tarīn* к именам существительным очень редки и имеют место только если существительное используется в значении прилагательного, обозначая качество, например: *gūšatarīn wa kanāratarīn qismat-i mamlakat* 'самый отдаленный, самый окраинный уголок страны' (здесь существительное *gūšā* 'угол' и *kanāra* 'окраина' выступают в роли прилагательных).

Местоимение

Местоимения обладают грамматическими признаками как имен существительных, так и имен прилагательных. Местоимения со значением предметности сочетаются с предлогами и послелогом *rā*; местоимения, выражающие признак, выступают в роли определения, хотя при этом в отличие от прилагательных всегда примыкают к своему определяемому в препозиции.

Личные местоимения

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>man (ma),</i>	<i>mā</i>
2-е л.	<i>tu,</i>	<i>šumā</i>
3-е л.	<i>ū, way;</i>	<i>ūšān, ānhā.</i>

Местоимение первого лица единственного числа *man* 'я' в беглой речи теряет конечное *n*, приобретая форму *ma*. Форма третьего лица единственного числа *waу* употребляется исключительно в книжном языке, как и персидское *вей*.

В таджикском языке, наоборот, местоимение *vay* — принадлежность живой устной речи. В качестве местоимений третьего лица единственного числа в разговорном кабули часто используются указательные местоимения: *i* (из *in* 'этот') и *ū*.

Для местоимений первого и второго лица множественного числа широко употребляются формы вторичного множественного числа: *māyān* 'мы', *šumāyān* 'вы' (ср. тадж. *моён*, *шумоён*). Кроме того, в кабули имеются своеобразные сочетания этих местоимений со словом *mardum* 'люди', 'народ', подчеркивающие значение множественности: *mā mardum* 'мы', 'наш брат', *šumā mardum* 'вы' 'ваш брат' (см. пример 16).

В качестве местоимений третьего лица множественного числа наряду с *ānhā* используется *ūšān* 'они', употребляемое с оттенком большего уважения. В разговорном языке употребительно *ūhā* (в беглой речи — *wā*) 'они'.

Личные местоимения используются для выражения принадлежности; в этом случае они входят в изафетную конструкцию в качестве ее второго компонента: *xāna-yi šumā* 'ваш дом'.

Указательные и указательно-личные местоимения. Указательными местоимениями являются: *in* (разг. *i*) 'этот', *ān* (разг. *ū*) 'тот'. (Эти же формы одновременно используются в качестве личных местоимений.) Интересно, что указательно-личное *ān* может употребляться в кабули по отношению как к лицам, так и к неодушевленным предметам. В сочетании с частицей *ham* указательные местоимения образуют свои производные: *hamin* 'этот самый', *hamān* 'тот самый' (разговорные формы *amī*, *amū*).

Местоимения-энклитики. Кроме самостоятельных местоимений, в кабули имеются особые энклитические местоимения, которые произносятся слитно с предшествующим словом и имеют следующие литературные формы: для единственного числа: 1-е л. *-am*, 2-е л. *-at*, 3-е л. *-aš*, для множественного числа соответственно: *-amān*, *-atān*, *-ašān* (в разговорном языке *-im*, *-it*, *-iš* и т. д., что фиксируется иногда в графике: *rafiq-im* 'мой товарищ').

Основная функция местоименных энклитик — выражение принадлежности: *asp-aš* 'его лошадь', *byādar-it* 'твой брат'.

Помимо этого, в разговорном языке они часто (не менее часто, чем в персидском и таджикском языках) используются в роли прямого и косвенного объекта личных местоимений (и при этом могут присоединяться непосредственно к личному окончанию глагола, к именной части сложного глагола, к предлогам): *xōš-iš kard* 'он его выбрал', 'одобрил', где местоименный аффикс *-iš* стоит при именной части сложного глагола.

Обращает на себя внимание орфография местоименных аффиксов в кабули, допускающая их раздельное написание, в том числе при словах с исходом на согласный: *کتاب شان* *kitābašan* 'их книга'.

Возвратно-определительные местоимения. Старые местоимения *xēš* и *xēštan* 'сам', 'свой' употребляются только в литературно-письменном языке. В устно-разговорном языке они не встречаются. Общеупотребительным возвратным местоимением в кабули является *xud* 'сам', в составе изафетной конструкции — 'свой'. Это местоимение обычно сочетается с местоименными аффиксами: *xud-rā* 'себя' и *xud-am-rā* 'меня самого'; *man xud* или *man xudam* 'я сам' (возможны также *xud-i man* и *man az xud*).

Особенностью употребления этого местоимения в кабули является то, что оно может принимать форму множественного числа: *xudhā* 'сами', 'свои', 'себя' (см. примеры 17, 18).

Выражение принадлежности при помощи местоимений. Как уже отмечалось выше, принадлежность может быть выражена в кабули с помощью личных местоимений и местоимения *xud* 'свой' (в изафетной конструкции), а также энклитическими местоимениями. Наряду с этим в кабули имеются особые устойчивые сочетания личных местоимений с предлогом *az*, по значению равноценные притяжательным местоимениям: *az man* 'мой', *az tu* 'твой', *az šumā* 'ваш' и т. д. Возможно также *az xud* 'свой', 'собственный' и др., например: *in qalam az ki-st?* *az man ast!* 'чья это ручка? — моя!'

В атрибутивной функции эти местоименно-предложные сочетания выступают в качестве второго компонента изафетной конструкции: *kitāb-i az man* 'моя книга', *asp-i az ū* 'его лошадь' и др.

Вопросительные местоимения. К вопросительным местоимениям относятся: *ki* 'кто', *či* 'что', *kudām* 'какой', 'который', *čand* 'сколько' и их производные.

Формы множественного числа местоимений *ki* и *či* (*ki-hā*, *či-hā*) используются редко; для выражения множественности чаще употребляются повторы: *ki-ki āmada būd?*

(букв.: 'кто да кто приходил?'). С глаголом-связкой оба эти местоимения произносятся и пишутся слитно: *کيست کي-ст* *kī-st* 'кто это?' *چیست چی-ст* *čī-st* 'что это?' *کيستی کي-сти* *kī-stī* 'кто ты?' и т. д.

Местоимение *kī* может выступать в роли определения в изафетной конструкции: *in kitāb-i kī-st?* 'чья это книга?' Существует также и описательное выражение: *az kī* 'чей?'

Местоимение *čī* в определительной функции имеет значение 'что за?', 'какой?' и ставится перед определяемым именем: *čī čīz* 'что за вещь?', 'какая вещь?' (т. е. 'что?'). Путем сочетания местоимения *čī* с существительными со значением „вид“, „род“, „образ“, „способ“ образуются многочисленные производные вопросительные местоимения-синонимы: *čī-tawr*, *čī-xēl*, *čī-qiszm*, *čī-raqam*, *čī-gūča* 'какой?', 'какого рода?' и архаическое *čī-sān* с этим же значением. Например: *imrōz čītawr rōz ast?* 'какой сегодня день?'

Местоимение *kudām* в качестве вопросительного со значением 'какой', 'который' употребляется редко (чаще оно используется как неопределенное местоимение) и обычно предшествует определяемому имени. При самостоятельном употреблении (без существительного) оно сочетается с энклитическими местоимениями или числительным *yak* 'один': *kudām yakē* 'который?', 'кто именно?', *kudām-ašān?* 'кто из них?', 'который из них?'

Местоимение *čand*—неопределенно-вопросительное: *čand rōz* 'несколько дней' и 'сколько дней?' В беглой речи оно теряет конечное *d*: *čan-nafar* 'несколько человек' и 'сколько человек?' От *čand* образуется производное *čandīn* 'несколько'.

Неопределенные местоимения. К неопределенным местоимениям относятся: *hēč* 'какой-либо', *yagān* 'какой-то', 'один', 'некий', *fulān* и *fulānī* 'такой-то', *ba'zē* и *ba'z* 'некоторый', 'некоторые'. В качестве неопределенного местоимения в значении 'какой-то' повсеместно используется *kudām*¹¹: *kudām šaxs āmada* 'какой-то человек пришел'. Это местоимение встречается также в самостоятельном употреблении в значении 'кто-то', „некто“ и в этом случае принимает артикль: *kudāmē*.

Местоимение *hēč* в своем первоначальном значении „какой-либо“ встречается редко: чаще оно употребляется как отрицательное местоимение „никакой“, „ничто“, если в

¹¹ Использование вопросительных местоимений в качестве неопределенных получило широкое распространение в кабули, возможно, по аналогии с афганским языком (пушту), где обычно вопросительные местоимения одновременно являются неопределенными.

предложении есть отрицание, например: *hēč nagušt* 'ничего не сказал'. Производные от *hēč* слова местоименно-наречного типа имеют аналогичное значение: *hēčkas nabūd* 'никого не было'.

Местоименное слово арабского происхождения *ba'z* сочетается с именем, к которому относится, при помощи изафетной конструкции, причем выступает в качестве ее первого компонента: *ba'z-i ašxās* 'некоторые лица'. Это же местоименное слово встречается в форме *ba'zē* (с артиклем) и в этом случае примыкает к имени: *ba'zē raftqhā* 'некоторые товарищи'. В субстантивном употреблении *ba'zē* может принимать форму множественного числа: *ba'zēhā mēgūyand ki* 'некоторые говорят, что...'

Местоимение *yagān* 'какой-либо' в самостоятельном употреблении почти не встречается, а используется большей частью при имени: *yagān kas* 'какой-то человек', 'кто-то', 'некто', *yagān čiz* 'какая-то вещь', 'что-то' 'нечто'. Иногда образует слова со значением наречий: *yagān-jāy* 'где-либо' (букв.: 'какое-либо место'), *yagān-sā'at* 'часок-другой'.

В функции неопределенных местоимений в кабули используются также слова *kasē* и *čizē*, т. е. имена существительные *kas* 'человек' и *čiz* 'вещь' с артиклем *-ē*. Нередко встречается в таком же употреблении слово *yakē*, — числительное *yak* 'один' с артиклем *-ē*. При отрицательном сказуемом *kasē* и *čizē* приобретают значение „никто“ и „ничто“, например: *kasē nest* 'никого нет', *čizē nagū!* 'не говори ничего!'

Местоименное слово *čizē* имеет в кабули еще одно назначение, необычное с точки зрения персидского и таджикского языков: оно используется в качестве наречия „несколько“, „немного“, заменяя такие слова, как *qadrē*, *čandē* и др. Например: *čizē pausa* 'немного (несколько) денег', *čizē dūrtar* 'немного далее' (см. примеры 19, 20).

Определительные местоимения. Местоимение *har||ar* 'каждый', 'всякий' употребляется в препозиции к определяемому имени: *har rōz* 'каждый день'. Сочетаясь со словами типа *xēl*, *raqam*, *gūna*, *tawr*, это местоимение образует многочисленные производные со значением „всякий, всякого рода“: *har-xēl mēwa* 'всякого рода фрукты'.

Местоимение *hāma* 'весь', 'целый', сочетаясь с именем, принимает изафетный показатель: *hama-yi dunyā* 'весь мир', но может и просто примыкать к имени: *hāma mardum* 'все люди', причем, по-видимому, последнее более типично для кабули (ср. таджикское *хамма одамхо*). Часто использует-

ся форма множественного числа этого местоимения *hamagān* 'все', а также старая форма *hamgtnān* (см. пример 21).

В роли определительного местоимения с этим же значением употребляются и арабские слова *tamām*, *jumla*, *kull* и некоторые другие.

Числительное

Количественные числительные

Единицы

<i>yak</i>	'один'	<i>šaš</i>	'шесть'
<i>du</i>	'два'	<i>(h)aft</i>	'семь'
<i>sē</i>	'три'	<i>(h)ašt</i>	'восемь'
<i>čār</i>	'четыре'	<i>nō (h)</i>	'девять'
<i>panj</i>	'пять'		

Десятки

<i>da(h)</i>	'десять'	<i>šast</i>	'шестьдесят'
<i>bīst</i>	'двадцать'	<i>(h)aftād</i>	'семьдесят'
<i>sī</i>	'тридцать'	<i>(h)aštād</i>	'восемьдесят'
<i>čēl</i>	'сорок'	<i>nawad</i>	'девяносто'
<i>pinjā (h)</i>	'пятьдесят'		

Сотни

<i>sad</i>	'сто'	<i>šašsad</i>	'шестьсот'
<i>dusad</i>	'двести'	<i>(h)aftsad</i>	'семьсот'
<i>sēsad</i>	'триста'	<i>(h)aštsad</i>	'восемьсот'
<i>čārsad</i>	'четыреста'	<i>nōhsad</i>	'девятьсот'
<i>panjsad</i>	'пятьсот'		

Тысячи

<i>(h)azār</i>	'тысяча'		
<i>du (h)azar</i>	'две тысячи'		
<i>sē (h)azār</i>	'три тысячи'		и т. д.

Для обозначения более крупных чисел используются европейские заимствования *milyūn* 'миллион' и *milyār* 'миллиард', а также индийские *lak* 'сто тысяч' и *krōr* 'десять миллионов'.

Названия чисел от десяти до двадцати представляют собой сочетания числительного, обозначающего соответствующую единицу, со словом *da (h)* 'десять', однако при некоторых фонетических изменениях: *yāzda(h)* 'одиннадцать', *dwāzda(h)* 'двенадцать', *sēzda(h)* 'тринадцать', *čārda(h)* 'четырнадцать', *pānzda(h)* 'пятнадцать', *šānzda(h)* 'шестнадцать', *(h)avda (h)* 'семнадцать' (вместо *hafda (h)*); появление согласного *v* здесь — результат озвончения *f*, *(h)ajda(h)* 'восемнадцать', *nōzda(h)* 'девятнадцать'.

В числительных, обозначающих многозначные числа, сначала называются тысячи, затем после союза *-u-* (между гласными *ω*) даются названия сотен, десятков и в конце единиц: *bīst-u-panj* 'двадцать пять', *sī-ω-yak* 'тридцать один', *sad-u-čēl-u-du* 'сто сорок два'.

В сочетаниях числительных со словом *nīm* 'половина' соединительный союз обычно отсутствует: *yak-nīm* 'один с половиной', 'полтора', *du-nīm* 'два с половиной' и др. Соответственно числительное *du-nīm sad* в кабули значит 'двести пятьдесят' (две с половиной сотни), а не 'сто' (две полусотни), как это могли бы понять в Иране.

Количественные числительные предшествуют определяемому имени, которое, как правило, сохраняет форму единственного числа: *yak mēz* 'один стол', *du mēz* 'два стола', *panj mēz* 'пять столов' и т. д. Кое-где в диалектах и говорах наблюдается, по-видимому, постановка имени существительного (при числительном) во множественном числе, что находит отражение в топонимике Афганистана: *čēlduxtarān* 'Сорок дев' — название населенного пункта.

Числительные *da* (*h*) 'десять', *sad* 'сто', (*h*) *azār* 'тысяча' и некоторые другие могут принимать показатель множественного числа *-hā*: *dahhā* || *dahā* 'десятки', *sadhā* 'сотни'.

При счете употребляются счетные слова — нумеративы: при счете лиц: *nafar* 'человек', 'индивидуум', при счете животных: *sar* 'голова', при счете предметов: *dāna* 'зерно', 'штука', *adad* 'число', 'штука', *jōra* 'пара'. Например: *bīst nafar kārigar* 'двадцать человек рабочих', *čār dāna mōtar* 'четыре автомобиля', *yak jōra rauzār* 'одна пара обуви', *du adad pīrāhan* 'две рубашки'.

В разговорной речи очень распространен универсальный нумератив *tā*, произносимый слитно с существительным и не принимающий ударения: *du-tā sēb* 'два яблока', *sē-tā marā* 'трое мужчин'. При числительном *yak* 'один' этот нумератив не ставится.

Порядковые числительные. Порядковые числительные образуются при помощи суффиксов *im* (*-yum*, *-wim*) и реже *-umīn* (*-yumīn*, *-wumīn*), *-īn*: *panjum* (реже *panjumīn*) 'пятый', *duwwum* или *duwwumīn* 'второй', *awwal* или *awwalīn* (араб.) 'первый', *sīyum* 'тридцатый'.

Порядковые числительные, определяя имя, обычно входят в изафетную конструкцию: *sāl-i duwwum* 'второй год', *sinf-i sēyum* 'третий класс'. Встречается постановка порядкового числительного с суффиксом *-um* перед определяемым именем: *bīst-u-haftum šaw-i ramazān* 'двадцать седьмая ночь рамазана'... В препозиции к имени часто ставится

арабское *awwal*: *awwal rōz* 'первый день'. При обозначении даты числительные с суффиксом *-um* сами выступают в роли определяемого и принимают изафетный показатель *-i*: *ša-šum-i sawr* 'шестого савра' (название второго месяца афганского солнечного года).

Суффиксы порядковых числительных *-umīn* и *-īn* характерны исключительно для литературно-письменного языка. Порядковые числительные с этими суффиксами ставятся преимущественно после определяемого имени (хотя встречается и другой порядок слов): *wazīfa-yi awwalīn-i mā* 'наша первая задача...', *baxš-i duwumīn* 'второй раздел'.

Разделительные числительные. Разделительные числительные образуются путем повтора количественных: *yak-yak* 'по одному', *sē-sē* 'по три' и т. д. (см. пример 22). В просторечно-разговорном языке встречаются разделительные числительные с ударным суффиксом *-ī*: *tuxm-a čārī xarīd* 'он купил яйца по четыре (афгани) за штуку', *duṭāyī* 'по два'.

Собирательные числительные. Для собирательных числительных характерен суффикс *-gāna*: *duḡāna* 'два', 'вдвоем', *panjgāna* 'пять', 'пятеро', например, в выражении *duwal-i panjgāna-yi bizurg* 'пять великих держав'.

Для выражения значения „вдвое“, „втрое“ используется частица *-lā*: *sē-lā* 'втрое'. Есть описательный способ передачи аналогичных отношений—при помощи слов: *barābar*, *čand*, *qādar*, которые в этом случае принимают изафетный показатель: *se barābar-i īn* 'втрое больше этого' или *du čand-i īn* 'в два раза (больше) этого' и др.

Выражение дробных чисел. Слова, обозначающие дроби, в которых числитель — единица (одна треть, одна четверть, одна пятая и т. д.), образуются так: слово, обозначающее знаменатель дроби, ставится перед словом, обозначающим числитель: *čār-yak* 'одна четвертая', 'четверть', *haft-yak* 'одна седьмая'. Однако чаще числитель называется раньше, чем знаменатель, который в этом случае выражается порядковым числительным: *du haftum* 'две седьмых'.

Нередко также описательное выражение дробей: *az panj du* 'две пятых' (букв.: 'из пяти два').

Проценты выражаются в кабули обычно при помощи слова *fīsad* 'процент' (от *fī* — арабский предлог со значением „в“, „на“, и *sad* 'сто') или *darsad* (где *dar* иранский предлог с тем же значением), например: *da(h) fīsad-i ahālī* или *da(h) darsad-i ahālī* 'десять процентов населения'.

Глагол

Историческая эволюция глагольного строя кабули, начиная от языка классического периода, протекала (как и в таджикском и отчасти персидском языках) в направлении дальнейшего развития системы аналитических форм. В частности в кабули возникла целая группа форм времени со вспомогательным глаголом *raftan*, аналогичная системе так называемых прогрессивных форм таджикского языка (со вспомогательным *истодан*).

В кабули не только встречаются новые приемы словообразования и формообразования глаголов (правда, на основе исходных элементов, общих для всех трех языков — персидского, таджикского и кабули), но и развились особые грамматические категории, например категория вида, достаточно ясно выраженная также в таджикском языке и менее развитая в персидском.

Вместе с тем в глаголе кабули сохраняется большое количество „архаичных“ форм, восходящих к языку классического периода, встречающихся также в таджикском языке, но в большинстве случаев утраченных в персидском. Такова форма преждепрошедшего длительного (Plus-quamperfect II) *karda mēbūd* или *mēkarda būd*, так называемая длительная предположительная форма *mēkarda bā-šad*, форма прошедшего времени с суффиксом *-ē: guftamē* ‘я говорил’, ‘говаривал’ и др.

Кроме того, некоторые формы и конструкции развились в кабули под влиянием соседних языков — пушту и индийских (например, использование особой формы будущего совершенного *karda xwāhad būd* в функции предположительной формы *Dubitafif*).

Словообразование глагола. Велико число производных глаголов: простых, приставочных и особенно сложных. Простые производные глаголы характеризуются окончанием *-īdan* и могут быть образованы как от именных основ, так и от глагольных основ настоящего времени. Например: глагол *nāmīdan* ‘называть’, ‘именовать’ — от существительного *nām* ‘имя’ или глагол *gardīdan* ‘(пре-)вращаться’, ‘делаться’, ‘становиться’ — от основы настоящего времени *gard* исходного глагола *gaštan* с тем же значением. Большое распространение имеют каузативные и переходные глаголы с инфиксом *-ān-*, образуемые не только от основы настоящего времени (как в персидском и таджикском языках), например: *kunānīdan* ‘заставить делать’ (от *kardan* ‘делать’, осн. наст. вр. *kun*), но и от основы

прошедшего времени, если она кончается на *-t*: *guzaštān-dan* 'проводить' (от *guzaštan* 'проходить').

Глагольные словообразующие приставки (*bar-*, *dar-*, *far-* и др.), присоединяясь к простым глаголам, главным образом к глаголам движения, образуют новые глаголы с новым значением. Так, путем присоединения приставки *far-*, указывающей на движение вниз, к глаголу *āmadan* 'приходить', 'прибывать' образуется новый глагол *farāmadan* со значением 'спускаться', 'сходить вниз'.

Основную массу глагольной лексики кабули составляют так называемые сложные глаголы¹², т. е. сочетания имени с каким-либо образующим глаголом, представляющие единое лексическое целое типа *tēr kardan* 'проводить' (из *tēr* 'проходящий' и *kardan* 'делать'), *gap zadan* 'говорить' (из *gap* 'слово', 'речь' и *zadan* 'бить', 'ударять'), *jōr šudan* 'выздоровливать' (из *jōr* 'здоровый' и *šudan* 'делаться', 'становиться'). В качестве именной части сложных глаголов могут выступать имена существительные, прилагательные, причастия, глагольные основы как иранского происхождения, так и заимствованные. Наиболее употребительны следующие образующие глаголы: *kardan* 'делать' и его синонимы *kunānīdan*, *gardāndan*, *namūdan*, а также глаголы *dādan* 'давать', *zadan* 'бить', *dāštan* 'иметь', 'держат', *āwurdan* 'приносить', 'приводить' и др.; другую группу образующих глаголов составляют глаголы типа *šudan* 'делаться', 'становиться' (и его синонимы *gaštan* и *gardīdan*), а также глаголы *būdan* 'быть', *dīdan* 'видеть', *kašīdan* 'тянуть', 'влачить' и др. Принято считать, что основную семантическую нагрузку в сложном глаголе несет именная часть, а образующие глаголы определяют лишь залоговое значение, переходность или непереходность, причем первая группа перечисленных образующих указывает на переходность сложного глагола, а вторая — на непереходность. Однако это соответствие не всегда прослеживается достаточно отчетливо. Так, если именная часть составного глагола — масдар (арабское имя действия) или арабское причастие, залоговое значение часто выражает именная часть, а не образующий глагол, например: *ʔaut kardan* 'скончаться', *mutazakkir šudan* 'упомянуть', 'от-

¹² Термин „сложные глаголы“ употребляется условно, ибо в контексте такие глаголы легко распадаются на составные части и при этом именная часть может выступать в роли прямого объекта, а глагольная — в роли сказуемого: *īn gap rā nazadam* 'я не говорил этого'. Очень трудно наметить границу между сложными глаголами как таковыми и весьма многочисленными устойчивыми глагольными фразеологическими сочетаниями типа *ba rū-yi kār āwardan* 'осуществлять', 'реализовать' (букв.: 'приводить к делу') и др.

метить' и др. В то же время образующий глагол может влиять и на семантику сложного глагола. Так, при одной и той же именной части разные образующие дают различные по значению сложные глаголы: *xōš kardan* 'выбрать', 'одобрить', но *xōš dāstan* 'любить'.

Пополнение глагольной лексики происходит за счет увеличения числа сложных глаголов. Этот процесс, обычный для многих живых иранских языков, в кабули, как и в таджикском языке, характеризуется той особенностью, что на месте простых глаголов предпочтительнее употребляются сложные, образованные от соответствующего простого глагола и имеющие аналогичную семантику. В этом случае именной частью сложного глагола может служить основа или причастие соответствующего простого глагола:

а) основа настоящего времени: *kaš kardan* 'тянуть', 'тащить' в м. *kašdan*;

б) основа прошедшего времени: *afzūd gardīdan* 'увеличиваться' в м. *afzūdan*;

в) старое причастие настоящего времени на *ān*: *nigarān būdan* 'смотреть', 'наблюдать' в м. *nigarīstan*; *pāšān kardan* 'сыпать', 'сеять', 'рассыпать' в м. *pāšīdan*, *giryān kardan* 'плакать' в м. *garīstan*; *pursān kardan* 'спрашивать' в м. *pursīdan*. Глаголы типа *giryān kardan* 'плакать' и *pursān kardan* 'спрашивать' возникли, по-видимому, в результате переосмысления их именной части, которая воспринимается уже не как имя деятеля, а как имя действия: *giryān* 'плач', *pursān* 'вопрос';

г) причастие прошедшего времени на *-a*: *nawišta kardan* 'писать' в м. *nawištan*; *basta kardan* 'закрывать', 'запирать', 'завязывать' в м. *bastan*; *puxta kardan* 'печь', 'испечь' в м. *puxtan* и др.

Формообразование глагола. Для глагола кабули характерны грамматические категории времени, вида, залога и наклонения. Исходным элементом для образования форм служат две основы глагола: основа прошедшего времени и основа настоящего времени. Основу прошедшего времени (она же — так называемый усеченный инфинитив) определить нетрудно: для этого достаточно отбросить окончание инфинитива *-an*: *xāndan* 'читать' осн. прош. вр. *xānd*; *rasīdan* 'прибывать', 'достигать', осн. прош. вр. *rasīd*. Основа настоящего времени обычно приводится в словаре, потому что ее образование чаще всего связано с историческими чередованиями в корне глагола: *guzāstan* 'проходить', осн. наст. вр. *guzar*; *sāxtan* 'строить', осн. наст. вр. *sāz*.

Основы глагола широко используются как самостоятельные слова со значениями имени действия: *guzar* 'проход',

‘переправа’ (осн. наст. вр. от *guzaštan* ‘проходить’), *guzašā* ‘парад’, ‘дефилирование’ (осн. прош. вр. этого же глагола). Это явление известно и персидскому языку, но в кабули оно настолько обычно, что практически почти любая основа может выступать в качестве самостоятельного имени. Отсюда в кабули такие „необычные“ с точки зрения персидского языка слова, как *šud* в значении ‘возможность’, ‘реальность’ (от *šudan* ‘делаться’, ‘становиться’), *tawān* ‘сила’, ‘мощь’ (от *tawānistān* ‘мочь’, ‘быть в состоянии’). Личные окончания глагола следующие:

Единственное число		Множественное число
1-е л.	-am (-um)	-em
2-е л.	-ī	-ed (-en)
3-е л.	-ad (-a)	-and (-an)

В скобках указаны варианты, которые эти морфемы имеют в просторечии.

Глагольные формообразующие префиксы: *mē-* (старое *hamē-*) сообщает глагольной форме значение длительности, многократности; *bi-* (разг. *bu-*) выражает усиление и входит в состав форм повелительного и сослагательного наклонений, реже этот префикс присоединяется к некоторым формам индикатива, сохраняя в этом случае свое старое значение завершенности, однократности: *biraft* ‘он пошел’, ‘ушел’.

Сложные глагольные формы строятся с помощью глагола-связки и вспомогательных глаголов: *būdan* (в самостоятельном употреблении ‘быть’), *x^wāstan* (в самостоятельном употреблении ‘хотеть’), *raftan* (в самостоятельном употреблении ‘идти’), *šudan* (в самостоятельном употреблении ‘делаться’, ‘становиться’). Глагол-связка в ее краткой форме спрягается следующим образом:

Единственное число		Множественное число
1-е л.	am	ēm
2-е л.	ī	ēd (ēn)
3-е л.	ast (a)	and (an)

Глагол-связка входит в состав перфекта и производных от него форм. В диалекте Кабула и некоторых говорах для перфектных форм используется полная форма глагола-связки (*h*)ast. Вспомогательный глагол *x^wāstan* (в самостоятельном употреблении ‘хотеть’) используется при образовании сложной формы будущего времени. Глагол *būdan* в самостоятельном употреблении имеет значение ‘быть’, ‘существовать’, ‘иметься налицо’ (см. примеры 23, 24).

В качестве вспомогательного глагола он, сочетаясь с причастием прошедшего времени основного глагола, участвует в образовании многих сложных глагольных форм, характеризующихся единым значением совершенности, результативности. Таких форм в кабули гораздо больше, чем в персидском и даже таджикском языках (их столько же, сколько форм в парадигме спряжения глагола *būdan*). Это, помимо форм, общих с персидским языком, особая форма перфекта *zada mēbāšam*, так называемое будущее совершенное *zada x^wāham būd*, сложная форма повелительного наклонения *zada bāš*, *zada bāšēd!*, две формы преждепрошедшего: *zada būdam* и *zada mēbūdam* (возможны также *zada būda-am*, *zada būda bāšam*, *zada būda būdam* и др.).

Глагол *šudan* 'делаться', 'становиться' сохраняет еще свое старое значение глагола движения; этим объясняется его использование не только для образования страдательного залога, но и в различных видовых аналитических конструкциях.

С помощью глагола *raftan* 'идти' образуется группа форм, выражающих длительное прогрессивное действие: настоящее-будущее время *zada mērawam*, простое прошедшее (претерит) *zada raftam*, прошедшее длительное (имперфект) *zada mēraftam*, сослагательное наклонение *zada birawam*, повелительное наклонение *zada biraw!*. Если учесть, что сам глагол *raftan* при этом может выступать в любой спрягаемой форме (в любом времени и наклонении), то можно продолжить эту серию соответственно формами: *zada rafta mēbāšam*, *zada rafta būdam*, *zada rafta mēbūdam*, *zada rafta bāšam*, *zada rafta bāš!* и т. д.

Значение и употребление времен. Ряд глагольных временных форм кабули не имеет каких-либо особенностей в употреблении. Так, настоящее-будущее время (*mēzanam*, *mēzanī*, *mēzanad* и т. д.) может употребляться в значении действия в настоящем, в будущем и действия, совершаемого обычно (см. пример 25). Форма будущего времени со вспомогательным глаголом *x^wāstan* (*x^wāham zad*, *x^wāhī zad* и т. д.), известная в персидских грамматиках как „будущее категорическое“, в кабули встречается лишь в письменном, книжном языке; для разговорной речи она не характерна. Прошедшее простое (претерит), образуемое присоединением личных окончаний к основе прошедшего времени (*zadam*, *zadī*, *zad*), обозначает факт совершения действия безотносительно к настоящему моменту или к характеру протекания дейст-

вия (см. пример 26). Прошедшее несовершенное (имперфект), структурно отличающееся от претерита лишь префиксом *mē* (*mēzadam*, *mēzadi* и т. д.), выражает действие в процессе его совершения, а также повторяемое действие (см. примеры 27, 28).

Так называемое прошедшее-настоящее (перфект)—*zadam* и его длительная форма *mēzadam* обозначают результат действия, имеющийся налицо в настоящий момент (см. примеры 29—31), и не встречаются в том особом применении, которое характерно для них в таджикском языке (неочевидные формы). В диалекте Кабула встречается архаическая форма—perfect II: *zadam-stum*, *zadam-stī* и т. д. Преждепрошедшее время (плюсквамперфект) *zadam būdam* обозначает результат действия по отношению к какому-либо моменту в прошлом, а его вторая форма *zadam mēbūdam* имеет то же значение, но по отношению к действию обычному, длительному, традиционному (см. примеры 32, 33).

Специфическую особенность кабули по сравнению с персидским и таджикским языками составляет наличие в активном употреблении форм или совсем не известных этим языкам или не получивших в них какого-либо распространения. Сюда относится упоминавшаяся выше особая перфектная форма, образуемая по типу *zadam mēbāšam*. По структуре ее можно рассматривать как перфект, в котором произошла замена глагола-связки вспомогательным *būdam*; она и семантически очень близка к перфекту, так как обозначает обобщенное действие или действие, начавшееся в прошлом и продолжающееся в настоящем (см. примеры 34—38).

Форма будущего совершенного образуется от причастия прошедшего времени основного глагола и вспомогательного глагола *būdam* в форме настояще-будущего времени: *karda xwāham būd*, *karda xwāhī būd*, *karda xwāhad būd*... и т. д. Как и все формы с вспомогательным *būdam*, это прежде всего результативная форма. В отличие от будущего категорического она указывает на законченность будущего действия к какому-либо моменту: *tā tu biāyī. kitābhā-rā āwurda xwāhand būd* 'пока ты придешь, они уже принесут книги' (см. также примеры 39, 40). Однако более регулярно эта форма используется для выражения сомнения, допущения, предположения о реальном действии, причем о действии в настоящем и даже о действии в прошлом (см. примеры 41—46). Такое значение и употребление этой формы будущего совершенного объясняется, по-видимому, влиянием соседних языков—афганского и индийских, возможно, по аналогии с так называемым прошедшим предпо-

ложительным в пушту, которое и образуется по той же модели: *کړی به وی* *kърай бь вй*.

Характерной чертой глагола кабули, как уже указывалось выше, является наличие группы форм, образованных при помощи глагола *raftan* 'идти', которые по аналогии с соответствующей группой форм в таджикском языке можно назвать прогрессивными формами. По своей видовой характеристике эти формы отнюдь не противостоят системе форм, образуемых при помощи глагола *būdan*; эти две группы форм как бы дополняют одна другую. Формы с глаголом *raftan* характеризуют действие в его развитии, независимо от результата действия или от его завершенности или незавершенности (см. примеры 47—51). Поэтому одна и та же форма может одновременно иметь значение и прогрессивное и результативное: *dida rafta būd* 'он посмотрел' (в прошлом, длительно, постепенно).

Вид глаголов. В связи с постепенной утратой глагольными префиксами *mē-* и *bi-* первоначального видового значения в кабули, так же как в персидском и таджикском языках, происходит развитие иных средств выражения вида, главным образом аналитических. Здесь наряду с чисто лексическими средствами (постановка определенного образующего в составе сложного глагола: *rāhī būdan* 'идти', 'быть в пути' и *rāhī šudan* 'пойти', 'пуститься в путь') можно отметить многочисленные лексикограмматические видовые конструкции, например конструкции начинательности, приступа к действию, представляющие собой сочетание служебного глагола *giriŕtan* 'брать' или *šudan* 'пойти', 'уйти' с инфинитивом основного глагола: *dawīdan giriŕt* или *ba dawīdan šud* 'он пустился бежать' (см. примеры 52—54).

Помимо всего этого, в кабули существует такое средство выражения видовых значений, широко развитое и в таджикском языке, как использование так называемых модифицирующих глаголов, т. е. глаголов, которые, сочетаясь в личной форме с неизменяемым деепричастием основного глагола (оно же причастие прошедшего времени), уточняют характер протекания действия *istāda mānd* 'он остановился, постоял (немного)' *kašida āwardam* 'я притащил', *bārīda mēraft* 'дождь лил и лил' и т. д. В литературно-письменном языке наибольшее распространение в этой функции получил глагол *raftan* 'идти', характеризующий длительно-прогрессивное действие и уже значительно грамматикализовавшийся; кроме того, в роли модификаторов спорадически используются глаголы: *āmadan* 'приходить', *āwardan* 'приносить', *māndan* 'оставать-

«я», выражающие различные оттенки совершенного вида. В устно-разговорном языке число глаголов-модификаторов значительно больше. Так, в диалекте Кабула, например, для выражения длительно-прогрессивного действия наряду с глаголом *raftan* используются глаголы *istādan* 'стоять', *šīštan* 'сидеть' и даже сложный глагол *rāyī būdan* 'идти', 'двигаться', 'быть в пути'.

Наклонения. В кабули различаются изъявительное, повелительное и сослагательное наклонения.

Сослагательное наклонение (Subjonctif) имеет, как и в персидском языке, форму настоящего-будущего времени (аорист: *kunam, bikunam*) и прошедшего времени (так называемая предположительная форма: *karda bāšam*). Есть и третья форма, как в таджикском языке: *mēkarda bāšam* (см. пример 55).

Аорист имеет те же функции, что и в персидском языке, т. е. он употребляется там, где речь идет о действии будущем—возможном, условном или предполагаемом: *tumkin-ast fardā biāyad* 'возможно, он придет завтра'. Предположительная форма выражает те же модальные оттенки, но обычно в отношении законченного действия: *zarūr āmada bāšad* 'должно быть, пришел' (см. пример 56). Однако предположительная форма в этой функции уступает место форме будущего совершенного, которое все чаще начинает использоваться как новый Dubitatif (см. выше, стр. 50).

Ирреальность в кабули выражается формами прошедшего несовершенного (имперфект) и преждепрошедшего (плюсквамперфект) (см. примеры 57—59).

Аорист имеет в кабули значительно меньшую сферу употребления, чем, например, в персидском языке. В частности при модальных глаголах *xwāstan* 'хотеть', 'желать' и *tawānistan* 'мочь' чаще употребляется не аорист, как обычно в персидском языке, а инфинитив, полный или усеченный: *dīdan mēxwāham* 'я хочу увидеть', 'посмотреть', *mētawānad guft* 'он может сказать', *kār karda mētawānēm* 'мы можем работать' (см. примеры 60—63). Последняя конструкция—сочетание личных форм глагола *tawānistan* с усеченным инфинитивом II (т. е. инфинитив без конечного *-n*) основного глагола—имеет широкое распространение в кабули, как и в таджикском языке. Часто встречаются сочетания личных форм глагола *tawānistan* 'мочь', 'быть в состоянии' непосредственно с именем, обычно именем действия: *ba paštō takallum mētawānad* 'он может говорить на языке пушту' (см. примеры 64—66).

Повелительное наклонение, помимо обычной формы, об-

разуемой от основы настоящего времени (*bikun!* 'делай!' *bikunēd!* 'делайте!'), включает еще особую сложную форму *karda bāš!* *karda bāšēd!*, характеризующую оттенком результативности (см. примеры 67—70).

Залог и. В кабули выделяются действительный и страдательный залог. Страдательный залог, так же как в персидском и таджикском языках, образуется ст переходных глаголов при помощи вспомогательного глагола *šudan*. Так, от *kāštan* 'сеять' имеем *kāšta mēšawad* 'сеется', *kāšta šuda-ast* 'посеяно' и т. д. Сложно-именной переходный глагол в форме страдательного залога обычно сохраняет оба своих составных элемента (именную часть и вспомогательный глагол): *širkat taškil karda šud* 'ширкет был основан'. Таким образом, в кабули значение страдательности в большинстве случаев выражается иначе, чем просто непереходность: *garm šudan* 'нагреваться', 'согреваться', но *garm karda šudan* 'быть нагретым (кем-либо)' (см. пример 71).

Неспрягаемые формы глагола. Инфинитив (в полной форме) является одновременно именем действия (*māndan* 'оставлять' и 'оставление') и поэтому наряду с глагольными свойствами обладает грамматическими признаками существительных: он может иметь при себе артикль, сочетаться с предлогами, послелогом *rā*, 'входить в изафетную конструкцию. Усеченный инфинитив, т. е. инфинитив без окончания *-an*, по форме совпадает с основой прошедшего времени: *guft* (от *guftan* 'говорить'). Он входит в состав сложного будущего времени, используется в безличных оборотах типа *bāyad guft* 'надо сказать' и встречается в сочетании с личными формами глагола *tawānistān* 'мочь', например: *mētawānam guft* 'я могу сказать'.

В кабули имеется также еще одна форма усеченного инфинитива (так называемый усеченный инфинитив II), т. е. инфинитив без окончания *-n*, совпадающий по форме с причастием прошедшего времени: *karda* (от *kardan* 'делать'). Он широко используется в сочетании с личными формами глагола *tawānistān* (см. выше), а также и в других случаях, заменяя полную форму инфинитива (см. пример 72).

Причастия кабули объединяют в себе весьма разнохарактерные формы, в которых взаимоотношение глагольных и качественных признаков не одинаково. Так называемые причастия настоящего времени с суффиксами *-inda*, *-ān*, *-ā* почти не воспринимаются как отглагольные формы. Так, форма с суффиксом *-inda* может быть отнесена к существительным (имя деятеля): *xāninda* 'читатель' (от *xāndan* 'читать'). Форма с суффиксом *-ān* тяготеет к прилагатель-

ным, однако встречается и в функции деепричастия: *xandān* 'смеющийся', 'веселый' и 'смеясь' (от *xandīdan* 'смеяться'). Эта форма широко участвует в глагольном словообразовании, входя в состав сложных производных глаголов (см. выше, стр. 47). Форма с суффиксом *-ā* уже непродуктивна. Так же как в персидском и таджикском языках, она целиком перешла в разряд имен (прилагательных и существительных): *dānā* 'знающий', 'ученый' (от *dānistan* 'знать').

Примечательно широкое употребление в кабули причастия прошедшего времени с суффиксом *-a*, сохраняющего целый ряд глагольных признаков (оно же — деепричастие).

От непереходных глаголов образуются активные причастия прошедшего времени: *rafta* 'ушедший', а причастия, образуемые от переходных глаголов, могут иметь как пассивное, так и активное значение: *basta* 'закрытый' и 'закрывший', *nawīšta* 'написанный' и 'написавший'. В связи с этим форма третьего лица единственного числа перфекта глагола *bastan* 'закрывать' — *basta-ast* в кабули может одинаково обозначать и „закрыто“ и „он закрыл“ (см. примеры 73—75).

Причастие со страдательным значением всегда имеет описательную форму: *nawīšta šuda* 'написанный'. Причастие с суффиксом *-a* входит в состав большинства сложных глагольных форм. В значении деепричастия оно входит в состав особых видовых глагольных словосочетаний (см. выше „Модифицирующие глаголы“) и может образовывать деепричастные обороты (см. примеры 76, 77). Интересна чисто стилистическая функция этого причастия, весьма характерная для кабули, а именно замена им личных глагольных форм при перечислении ряда последовательных действий (см. раздел „Некоторые черты синтаксиса“).

Вместе с тем причастие прошедшего времени на *-a* может выражать качество; в этом значении оно входит в изафетную конструкцию в качестве второго компонента: *ʔeʔdi-yi qāt šuda* 'свернутая палатка'. При этом глагольная семантика причастия иногда полностью стирается, и оно переходит в разряд прилагательных: *āb-i istāda* 'стоячая вода' (ср. название озера в Афганистане).

Как и в таджикском языке, в кабули имеется вторая форма причастия прошедшего времени, не свойственная персидскому языку — причастие с суффиксом *-gī*, одновременно имеющее значение имени действия: *xāndagī* 'прочитанный' и 'чтение'. В кабули эта форма встречается почти во всех тех функциях, которые свойственны ей и в таджикском языке, в частности в изафетных словосочетаниях

kitāb-i xāndagī 'прочитанная книга' и в развернутых причастных оборотах типа *kitāb-i xāndagī-yī man* 'прочитанная мною книга' (см. примеры 78—80). В отдельных говорах на территории Афганистана это причастие встречается и в предикативной функции—с глаголом-связкой и без нее: *ma kardagī* 'я сделал'.

Так называемое причастие будущего времени или причастие долженствования (инфинитив + ударное окончание *-ī*: *dādānī* 'то, что должно быть дано', *āmadānī* 'тот, кто должен прийти') находит в кабули более широкое применение, чем, например, в персидском языке. Оно активно используется в предикативной функции (см. примеры 81—83). В разговорной речи встречаются особые обороты с этим причастием, не свойственные ни персидскому, ни таджикскому языкам, типа: *ānhā raftānī-yī Qandaār (h)astand* 'они собираются поехать в Кандагар'.

Наречие

Специальных суффиксов для образования наречий в кабули мало. Многие качественные прилагательные (производные и непроизводные) выступают одновременно и в качестве наречий, выполняя в предложении функцию обстоятельства образа действия: *xūb* 'хороший' и 'хорошо', *mar-dāna* 'мужественный' и 'мужественно'. То же можно сказать о словах, образованных с помощью суффикса подобия *wārī*: *mār-wārī* 'подобный змее', 'подобно змее'. В просторечии наречия образуются при помощи суффиксов *-akī* (*šawakī* 'ночью') и *-agī* (*nimagī* 'наполовину'). Очень распространено образование наречий путем повторов, различных аллитерирующих сочетаний и т. д.: *gāy-gāy* (= *gāh-gāh*) 'иногда', 'изредка', *pas-pasān* 'после', 'позднее', *bālzada-bālzada* 'лётom', 'на лету'.

Недостаток морфологически обособившихся типов наречий восполняется за счет широкого распространения адвербиализации. Так, в роли обстоятельств места, времени, образа действия в предложении могут легко выступать имена существительные (с предлогами или без предлогов), а также прилагательные, причастия и т. д. Например, в предложении *čāšt sōy-i xāna-yī xud bargāšt* 'в полдень он вернулся домой' существительное *čāšt* 'полдник', 'полдень' выступает в функции обстоятельства. Или в фразе *gūšagīr mēzīst* 'он жил отшельником' обстоятельство образа действия выражено субстантивированным прилагательным *gūšagīr* 'уединившийся', 'затворник', 'анакорет'.

Широко используется в качестве наречий арабская форма винительного падежа с окончанием *-an* (как уже отмечалось выше, в кабули это окончание безударно): *kāmilan* 'полностью', 'совершенно'. По лексическому составу наречия кабули аналогичны этой же категории слов в таджикском языке. Здесь встречаются такие характерные таджикские наречия, как *purra* 'совсем', 'окончательно', 'полностью' и др. Как и в таджикском языке, в кабули сохраняется немалое количество „старых“ наречий, уже не свойственных персидскому языку: *dīna* 'вчера' и *dīnarōz* 'вчера днем', *ragāh* 'утром', 'завтра утром', *begāh* 'вчера вечером' и др.

Предлоги

Предлоги кабули, так же как персидские и таджикские, можно разделить на две группы: первичные предлоги, т. е. утратившие связь с теми значимыми словами, от которых они произошли, и полностью превратившиеся в служебные слова, и вторичные или отыменные предлоги, первоначальное лексическое значение которых еще воспринимается, достаточно отчетливо. Структурно предлоги делятся на простые и сложные.

Состав первичных (простых) предлогов как наиболее древней части лексики в кабули тот же, что в персидском и таджикском языках: *az*, *ba*, *dar*, *bā*, *bar*, *bē*, *tā*, *barāyi*. Однако в использовании этих предлогов в кабули имеется ряд особенностей, сближающих его с таджикским языком. Так, предлог *az* наряду с целым рядом других функций используется для выражения принадлежности, что несвойственно персидскому языку: *īn kitāb az Ahmad ast* 'эта книга принадлежит Ахмаду'. Предлог *ba* часто употребляется не только для обозначения направления и адресата действия, но и места действия и местонахождения предмета аналогично предлогу *dar*. И наоборот, предлог *dar* (просторечное *da*) передает значение не только местонахождения, но и направленности действия: *dar Kābul dāxil šudand* 'они вступили в Кабул'.

Предлог *bā* наряду с основным своим значением совместности, орудности может обозначать направленность действия по отношению к какому-либо лицу, особенно при глаголах: *kumak kardan* 'помогать' и *guftan* 'говорить', 'сказать'. Например: *bā šumā kumak mēkunam* 'я буду вам помогать' или: *qissa-rā bā padar-i xud guft* 'он рассказал все отцу'.

Взаимозамещение пар предлогов *ba* и *dar*, *ba* и *bā*, характерное также для таджикского языка, восходит к языку классического периода.

Некоторые предлоги часто опускаются; это особенно характерно для разговорного языка. При этом синтаксическая функция имени существительного определяется его местом в предложении, его семантикой, интонацией и т. д.: *har sē māh-i bahār dēh mērawam* 'каждый год на три весенних месяца я уезжаю (в) деревню'.

Круг отыменных или изафетных предлогов в кабули необычайно широк, и он все время пополняется, отражая тенденцию языка к дальнейшему уточнению пространственных, временных и иных отношений. Отыменные предлоги связываются с управляемым словом посредством изафетного показателя. Процесс превращения значимых слов (прежде всего имен существительных) в предлоги, связанный с их постепенным абстрагированием, можно наблюдать в кабули во всех его стадиях. Так, предлог *amrā-yi* (от *(h)amrā(h)* 'спутник', 'попутчик', 'сопровождающий') используется не только для выражения совместности, что близко к его основному лексическому значению, но также орудности и других отношений (см. примеры 84, 85). Предлог *bālā-yi* (от *bālā* 'верх') вначале обозначал лишь местонахождение на чем-либо или над чем-либо (в этом значении он встречается и в персидском языке), но по мере дальнейшего абстрагирования начал выражать вообще всякую направленность действия на объект, соответствуя русским предлогам *на*, *в*, *для* (см. примеры 86—89).

Распространенными отыменными предлогами со значением направления (в широком смысле) являются *taraf-i* и *sōy-i* (просторечное *sōn-i*) от *taraf* и *sōy* 'сторона' (см. примеры 90—92). В этом же значении в просторечии часто употребляется предлог *sar-i* (от *sar* 'голова'). Предлог *dān-i* (от *dān* < *dahān* 'рот', 'устье', 'вход'), встречающийся большей частью в разговорной речи, указывает на местонахождение предмета в непосредственной близости от чего-либо, соответственно русским предлогам *у*, *в*, *перед*: *dān-i panjāra* 'у окна'.

Для диалекта Кабула и некоторых других говоров характерен предлог *kati* (< *kat-i*?), обозначающий совместность: *kati ma* 'со мной'.

Большое распространение имеют сложные предлоги, представляющие собой сочетания простых (первичных) предлогов с отыменными, например: *ba amrā-yi* 'с', 'со', *dar bāb-i* 'о' 'относительно', *ba zariya-yi* 'посредством', 'путем', 'при помощи', *az bain-i* 'через', 'посредине' и т. д.

В книжном языке (в официальном и эпистолярном стилях) широко употребляются арабские предлоги: *ta'a* مع (большей частью как изафетный *ta'a-yi* معه) со значением совместности (см. пример 93), а также *fi* في 'в', 'на' и *ala* 'до', например, в выражениях: *fi māh* 'в месяц', 'за один месяц'; *az Xānābād ala Kābul* 'От Ханабада до Кабула' и др.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СИНТАКСИСА

Простое предложение

Выражение падежных отношений. Термин „падежные отношения“ употребляется условно: в кабули синтаксические отношения согласования, управления и т. п. выражаются при помощи предлогов, послелога *rā* и изафетной конструкции.

О предлогах говорилось выше, послелог *rā* рассматривался в разделе „Существительное“.

Изафетная конструкция (см. о ней в разделе „Прилагательное“) является универсальным типом определительной связи, т. е. используется не только при качественном определении, выраженном прилагательным, но также для выражения принадлежности в широком смысле и отношения части к целому; в этих случаях вторым элементом изафетного словосочетания служит имя существительное. Ср. *xāna-yi kalān* 'большой дом', но также *xāna-yi padar* 'дом отца', *bām-i xāna* 'крыша дома'. Изафетная конструкция используется для выражения таких атрибутивных отношений, которые в русском языке, например, выражаются приложением *šahr-i Kābul* 'город Кабул'.

Носителем определенного синтаксического значения может выступать в предложении и так называемое имя неформальное, т. е. существительное, не имеющее при себе ни предлогов, ни послелога *rā* и стоящее вне изафетного словосочетания. Такое имя употребляется в роли подлежащего, сказуемого (в сочетании с глаголом-связкой), а также прямого дополнения: *gilkār xāna ābād tekunad* 'каменщик строит дом'.

Порядок слов в простом предложении. В простом распространенном предложении наблюдается следующий порядок слов: сказуемое ставится в конце предложения; обстоятельство образа действия — при сказуемом; косвенное дополнение обычно предшествует прямому; обстоятельство времени может располагаться как перед под-

лежащим — в начале предложения, так и после него: *dīnārōz man barāyi xud kitābča xarīdam* 'вчера я купил себе тетрадь'. Однако практически указанный порядок слов легко нарушается, особенно в эмоционально окрашенной речи, в поэзии и т. д. Например: *sabā mērum bāzār* (разг.) 'завтра я пойду на базар'.

Согласование главных членов предложения. Согласование в числе подлежащего со сказуемым зависит от семантики подлежащего и характера сказуемого. Сказуемое может быть выражено формой единственного числа при подлежащем, выраженном формой множественного числа, если подлежащее обозначает неодушевленные предметы: *dukkānhā bāz ast* 'лавки открыты' (букв.: 'открыто'); *bādhā-yi sard mēwazad* 'дуют (букв.: 'дует') холодные ветры'. Если подлежащее обозначает живые существа (животных), сказуемое может с ним согласоваться и не согласоваться. Наиболее часты случаи несогласования при составном сказуемом, а также при сказуемом, выраженном глаголом в страдательном залоге (см. примеры 94—96). Наблюдается и обратное явление — постановка сказуемого во множественном числе при подлежащем в единственном числе, если это подлежащее обозначает лица или официальные учреждения (см. примеры 97, 98).

Безличные предложения. Самый обычный тип безличного предложения — это предложение с модально-безличными оборотами со значением „можно“, „нельзя“, „нужно“ и последующим инфинитивом (усеченной формой): *bāyad ziyād kār kard* 'надо много работать'. Предложения, в которых подлежащее выражено словами типа *ādam* 'человек', *mardum* 'люди', *insān* 'человек', употребленными в обобщенном значении, могут быть отнесены к неопределенно-личным: *ādam intawr namēkunad* 'так не поступают' (букв.: 'человек так не поступает').

В кабули часто встречается особая разновидность безличных оборотов, свойственная и таджикскому языку, в которой выступает глагол *šudan* в личной форме, придающий высказыванию оттенок возможности или невозможности: *ba ī cīzē gufta namēšawad* 'ему ничего нельзя сказать'. Сходство с конструкцией страдательного залога здесь чисто внешнее, о чем говорят случаи сочетания глагола *šudan* в таком обороте с непереходными глаголами типа *raftan* 'идти': *har qadar jilaw rafta šawad...* 'сколько бы ни ехать дальше...', а также наличие прямого дополнения с послелогом *rā* при таком модально-безличном сказуемом, например: *in xāna-rā safēd karda šawad* 'этот дом следует побелить' (см. примеры 99—102).

Сложное предложение

Сложносочиненное предложение. В сложносочиненном предложении соединительная связь осуществляется с помощью тех же союзов, которые связывают однородные члены в слитном предложении. Это соединительный союз *wa* и его синоним — энклитический союз *u*, характерный более для разговорной речи и поэзии: *sahar damīd-u āftāb barāmad* 'забрезжило утро и солнце взошло'; энклитический союз *ham* 'также', который может быть повторен, при этом образуется новый составной союз *ham ... ham* со значением „и...и“.

К разделительным союзам относятся: *yā* 'или', *yā ... yā* 'либо ... либо', *x^wāh ... x^wāh* 'хоть ... хоть', *na ... na* 'ни ... ни', *či ... či* 'как ... так и'.

Из противительных союзов наиболее характерным является союз *magar* 'но', 'однако': *aḡānī-rā yād dāram magar fārsī-rā na* 'афганский язык я знаю, а фарси — нет'. В этом же значении используются арабские *ammā*, *likan*.

Возможно опущение сочинительного союза: *dawā xurd—jōr šud* 'выпил лекарство — поправился'. Типично для кабули такое бессоюзное сочинение двух или нескольких предложений, когда все сказуемые (за исключением последнего) принимают форму причастия (оно же деепричастие) прошедшего времени (см. пример 103).

Сложноподчиненное предложение. Простейшие из подчинительных союзов: *agar//gar* 'если', вводящий придаточное условное предложение; *čūn*, имеющий как временное, так и причинное значение „когда“, „так как“; *tā*, *tā-ki* 'чтобы', 'пока', 'до тех пор, пока'.

Универсальным союзом подчинительной связи является энклитический союз *ki*, вводящий различные виды придаточных предложений: дополнительные, определительные, цели, времени, причины, следствия и т. д. Этот же союз вводит прямую речь: *guft ki namēdānam* 'он сказал: не знаю' (косвенная речь: *guft ki namēdānad* 'он сказал, что не знает'). Интересно, что союз *ki* в кабули может быть заменен афганским относительным местоимением *či* в придаточных дополнительных типа: *šukir či ānjā naraftum* (разг.) 'благодарение [богу], что я туда не пошел'.

Большинство подчинительных союзов — сложные, т. е. представляют собой устойчивые словосочетания. Таковы союзы типа *waqtē ki* 'когда', 'в то время как', союз цели *ba(h)r-i īn-ki* и *ba(h)r-i az īn ki* 'для того, чтобы'; причинные союзы *čirā ki* 'потому что', *ba nisbatē ki* 'в связи с тем,

что', *az xātirē ki* 'благодаря тому что', *az ānjā ki* 'поскольку'; уступительные—*agarči* и *agarči ki* 'хотя', *arčan(d)-ki* 'сколько ни ...', *bā ān-ki* 'несмотря на то что...' и др. Кроме того, имеются особые союзные сочетания с модальными оттенками пожелания, возможности: *kāš ki* 'хорошо бы', 'если бы', 'пусть бы' и *balki* 'но', 'даже', 'возможно'. Отметим специфичный для кабули сложный союз *bā ham* или *tā ham* 'все-таки', 'тем не менее', используемый в главном предложении после придаточного уступительного (не встречается ни в персидском, ни в таджикском языке).

Широкое распространение не только в официальном и в деловом языке, но и в обыденной речи имеют арабские союзы и союзные слова: *kazā* 'итак', 'точно так же', *liha-zā* 'поэтому', 'следовательно', *ma'ahazā* 'вместе с тем', 'тем не менее' и др. В некоторых типах придаточных предложений допускается бессоюзное подчинение: *xōš hastam šumā-rā bāz mēbīnam* 'я счастлив (что) снова вижу вас'.

Основные типы придаточных предложений

Придаточное определительное предложение вводится союзом *ki* и обычно как бы вклинивается в главное предложение, следуя непосредственно за тем словом или словосочетанием, которое оно определяет. Определяемое слово (или словосочетание) в главном (если это не местоимение и не собственное имя) принимает обычно постпозитивный артикль: *rammayē ki dar ānjā mēčarānad az birādar-i man ast* 'стадо, которое пасется там, принадлежит моему брату'. Однако встречается и иной порядок слов: придаточное определительное следует после главного предложения: *īn čī kārhāyē-st ki tu mēkuni?* 'что такое ты там делаешь?' (букв.: 'что это за дела суть, которые ты творишь?'). Тот член главного предложения, к которому относится придаточное определительное, воспроизводится в составе придаточного предложения через соответствующее местоимение, принимая нужные предлоги или послелог *-rā*: *ān ki ū-rā padar-i tārix mēnāmand...* 'тот, кого называют отцом истории' (букв.: 'тот, что его называют отцом истории'). Примечательны конструкции, нередкие в современном языке, в которых как бы делаются попытки избежать этого воспроизведения определяемого слова в придаточном предложении: *nānē-rā ki mā mēxurēm čitawr ba dast mēāyad?* 'Как добывается хлеб, который мы едим?' (букв.: 'хлеба, который мы едим',— см. примеры 104, 105). Ср. более обычное *nānē*

ki mā ān-rā mēxurēm čitawr ba dast mēāyad? (букв.: 'Как добывается хлеб, что мы его едим?').

Придаточное дополнительное предложение также вводится союзом *ki* и следует непосредственно за сказуемым главного предложения (см. пример 106). Характерное для персидского языка опускание союзов в дополнительных предложениях при некоторых модальных глаголах и выражениях в кабули не наблюдается: *mētawānam kī bigūyam* 'я могу сказать'; *bāyad ki birawad* 'он должен пойти' и др.

Придаточное условное предложение вводится союзами *agar//gar* 'если', *(h)argā (h)* 'когда' и обычно предшествует главному. Иногда в кабули употребляется афганский условно-подчинительный союз *ka* (см. примеры 107, 108).

При реальном условии глагол придаточного предложения может стоять в разных формах, в зависимости от времени действия:

а) в форме настоящего времени изъявительного наклонения, если действие относится к настоящему или совершается традиционно: *agar bārān mēbārad hāsil xūb mēbāšad* 'если (когда) идет дождь, урожай бывает хорош';

б) в форме аориста (т. е. настояще-будущего времени сослагательного наклонения), когда действие относится к будущему: *agar bārān bibārad hāsil xub x^wahad būd* 'если пойдет дождь, будет хороший урожай';

в) в форме простого прошедшего времени, если будущее действие мыслится как несомненное: *agar bārān bārid xūb wa illā hāsil xūb namēšawad* 'если пройдет дождь — хорошо, а иначе урожай не будет хорош'.

При нереальном условии глагол (и в главном и в придаточном предложениях) употребляется в форме прошедшего несовершенного или преждепрошедшего: *agar bārān namēbārid hāsil xūb namēšud* 'если бы не шел дождь, урожай не получился бы хорошим'.

Придаточное уступительное предложение вводится союзами *agarči*, *agarči ki* 'хотя', *arčan(d) ki* 'как бы ни', *bā wasf-i in ki* 'несмотря на...' и др. Следующее за придаточным уступительным главное предложение начинается обычно с союзов *tagar* 'но', 'однако', *ma'ahazā* 'тем не менее' и характерного для кабули *bā ham* 'все же', 'все-таки': *agarči ū pūl nadāšt bā-ham ba fikr-i xarīdan-i mōtar aštād* 'хотя у него не было денег, все же он подумывал (о том, чтобы) купить машину'.

В придаточных предложениях времени часто используется союз *ki*, который ставится не в начале придаточно-

го, а перед его сказуемым: *āftāb ki bar-āmad rōz mēšawad* 'когда всходит солнце, наступает день'. Это самый распространенный тип придаточного времени при одновременности действий (см. примеры 109, 110). Если действие главного предложения предшествует действию придаточного, в придаточном употребляются союзы *pēš az in-ki* 'до того как', 'перед тем как', *tā* 'пока' и др. Например: *mēwa tā puxta našawad qābil-i xurdan nēst* 'пока фрукты не созреют, они несъедобны'. Союзы: *az waqtē-ki*, *az zamāne ki* 'с тех пор как' показывают, что действие главного предложения наступает после действия придаточного.

В придаточном цели глагол всегда имеет форму аориста: *mērawam tā ki mōtar paydā kunam* 'я иду, чтобы найти машину' (т. е. за машиной). В разговорной речи чрезвычайно распространен союз цели *bār-i in-ki* и *bār-i az in ki* (от *bahr*).

Придаточное предложение причины следует обычно за главным и вводится союзами: *čirā ki*, *az ānjā ki*, *ba nisbatē ki* и др. Например: *naraftam čirā ki mōtar nabūd* 'я не уехал, так как не было машины'.

Причастные и инфинитивные обороты

Характерной чертой синтаксиса кабули является значительное развитие причастных и инфинитивных оборотов, заменяющих различные виды придаточных предложений. Выше уже говорилось о распространении оборотов с причастием на *-gī* (см. стр. 54). Наблюдается тенденция и к образованию оборотов с причастием прошедшего времени на *-a*, что видно, например, из выражения *kišwarhā-yi iqtisādan pēšrafta* 'экономически развитые страны', употребляемого в современном языке (в научно-публицистическом стиле) вместо придаточного определительного *kišwarhā-yē ki iqtisādan pēš rafta and* 'страны, которые развиты (букв.: 'идут впереди') в экономическом отношении'.

Инфинитив в кабули, как и в таджикском языке, легко сочетается с поясняющими словами, в том числе с обстоятельством образа действия, образуя развернутые инфинитивные обороты (см. примеры 111—114). Такое явление замены придаточных предложений инфинитивными и причастными оборотами, способствующее в конечном итоге упрощению строя предложения, не характерно для персидского языка, но для таджикского (литературного) оно является, по-видимому, нормой¹³.

¹³ См.: Н. А. Масуми, *Язык повести С. Айни „Смерть ростовщика“ („К вопросу о развитии языка современной таджикской художественной прозы“)*, Канд. дисс., Сталинабад, 1954.

ЛЕКСИКА

Словарный состав фарси-кабули характеризуется значительным своеобразием по сравнению, в частности, со словарным составом современного персидского языка, обнаруживая большее сходство с лексикой таджикского языка уже хотя бы по своему фонетическому типу. В кабули имеются слова, общие с таджикским, но отсутствующие в персидском: *tērmāh* 'осень' (тадж. *тирамоҳ*), а также слова, употребительные во всех трех языках, но имеющие в кабули и таджикском общую семантику, иную, чем в персидском: *xunuk* 'холод' (тадж. *хунук*, перс. *хонок* 'прохладный'). Поражает богатство словообразовательных средств, которыми располагает кабули: с одной стороны, в нем сохраняются некоторые суффиксы, не продуктивные для персидского языка, а с другой стороны—имеются особые, иногда заимствованные суффиксы, не встречающиеся ни в персидском, ни в таджикском языке, например индийский суффикс имени деятеля *-wālā*.

Интересно отметить, что иногда слова одного и того же корня, выражающие идентичные понятия, в кабули и персидском языке получают различное суффиксальное оформление, в то время как соответствующие таджикские слова обычно бывают образованы аналогично кабули. Например, прилагательное со значением „цветной“, „красочный“, „разноцветный“: перс. *rāngin*, тадж. *ранга*, каб. *ranga* (*film-i ranga* 'цветной фильм').

Сходство кабули с таджикским языком и отличие от персидского проявляется и в словосложении:

	кабули	таджикский язык	персидский язык
конный спорт, джигитовка, скачки	<i>aspdawānī</i>	<i>аспдавоки</i>	<i>āспрани</i>
отсталость, отставание	<i>rasmānī</i>	<i>пасмондаги</i>	<i>āйб-мандеги</i>
авионавт, пилот	<i>hawābāz</i>	<i>Ҳавобоз</i>	<i>hāванг-вӣрд</i>
скорый, быстроходный	<i>tēzraftār</i>	<i>тезрафтор</i>	<i>тондроу</i>
пожилой, старый	<i>kalānsāl</i>	<i>калонсол</i>	<i>салхорде</i>

Хотя кабули, таджикский и персидский чрезвычайно близки, и основное лексическое ядро— слова иранского происхождения— является общим для этих трех языков, тем не менее словарный состав кабули имеет достаточно явные специфические отличия. Это объясняется отражением в лексике кабули специфических условий Афгани-

стана, особенностей социально-экономического строя, развития хозяйства, культуры, а также межнациональных связей.

В кабули нет столь характерных для современной персидской лексики искусственно созданных терминов иранского происхождения взамен укоренившихся арабских типа *пезешк* 'врач' (в кабули — *tabīb* или *dāktar*).

Нет в кабули и свойственных таджикскому языку неологизмов и русских заимствований, вошедших в язык за годы Советской власти; напротив, в кабули сохранился ряд слов, которые в таджикском языке выпали из употребления, были переосмыслены: *tanx^{wah}* 'жалованье', *kōtwāl* 'надсмотрщик', 'начальник полиции', *sarkārī* 'казенный', 'государственный', *xaltīfa* 'мастер', 'подмастерье', 'староста класса в старой бухарской школе' и др.¹⁴

Займствования из других языков

Арабизмы. Наиболее древний слой заимствований составляют арабизмы. Среди арабских заимствований различаются слова, которые вошли в основной словарный фонд кабули, не могут быть заменены синонимами без нарушения смысла, принимают иранские словообразовательные аффиксы и участвуют в словосложении. Это слова типа *xēl* 'род', 'племя', *qala* 'дом с пристройками', *kitāb* 'книга', *sāat* 'часы', 'время' и др. Однако большая часть арабской лексики бытует в пределах подвижного словарного состава и употребляется наряду с местными эквивалентами. Так, в кабули употребительно *gar* 'слово', 'речь', но встречается и заимствованное арабское *harf* в этом же значении.

Произношение арабских заимствований в кабули подверглось значительно *большим изменениям, чем, например, произношение арабизмов в персидском языке (о произношении арабских слов см. стр. 19). Кроме того, в этих двух языках одни и те же арабские слова подчас употребляются в различном значении, что неоднократно отмечалось исследователями. Так, арабское слово *taklīf* в кабули имеет значение 'беспокойство', 'затруднение', а в персидском — 'долг', 'обязанность'; глагол *masrūf* ¹⁴*būdan* (с арабским причастием в качестве именной части) значит в.

¹⁴ В старой Бухаре и Афганистане (как и в Могольской Индии) были одни и те же социальные, административные и финансово-налоговые институты. Поэтому административные, судебные и финансовые термины кабули — те же, что были и в таджикском языке в дореволюционное время.

жабули «быть занятым чем-либо», а в персидском — «быть истраченным». Имеет место употребление в кабули и персидском разных арабских слов для обозначения одного и того же понятия: слово *ruksat* употребляется в кабули в значении «отпуск», тогда как в персидском языке в этом случае используется другая форма от этого же корня — *моракхъси*.

Заемствования из языка пушту (афганизмы). Фарси-кабули долгое время был государственным языком Афганистана и поэтому оказал сильное влияние на язык пушту; однако и кабули не избежал влияния пушту.

Афганизмы в кабули — это прежде всего слова, связанные с кочевым пастушеским бытом и родо-племенными отношениями афганцев: *rawinda* 'кочевник-скотовод', *γēzdī* 'кочевой шатер', *kōsay* 'войлочный халат', *atān* 'танец афганцев', *jirgá* (монг.) 'афганский племенной совет' и др.

Следует отметить, что поскольку язык пушту содержит большое количество индийской лексики, то часть так называемых афганизмов в кабули оказывается по происхождению индийскими словами. К таким словам относятся широко употребительные *kilkīn* 'окно', *almārī* 'шкаф', *kālā* 'одежда', *kačā'ū* 'картофель', *kākā* 'дядя (брат отца)', *mā-tā* — 'дядя (брат матери)', *sakka* 'родной брат', *tēl* 'масло (минеральное)', *sarak* — 'дорога' и др.

В последнее время в кабули вошли многочисленные афганские официальные термины — названия административных учреждений, должностей: *pōhantūn* 'университет', *nandartūn* 'выставка' и др.

Большое количество афганских слов принято в военной терминологии кабули. Все названия воинских подразделений, военных чинов, команды почти целиком взяты из пушту. Это связано с тем, что большую часть личного состава армии составляют афганцы.

Заемствования из индийских языков. Индийская лексика в кабули разнообразна. Поскольку индийцы наряду с таджиками всегда составляли торгово-ремесленную часть населения Афганистана (особенно на востоке страны) и поскольку с соседней Индией существовали тесные торговые связи, то в кабули вошли индийские слова, связанные главным образом с торговлей, ремеслами, текстильным производством: *čawk* 'рынок', *čata* 'торговый ряд', *banjāra* 'коробейник', *kulāl* 'гончар' (отсюда *kulālī* 'гончарное производство'), *kaprā* 'материя', 'ткань' и др.

Из других групп индийских слов, бытующих в кабули, можно отметить, например, метеорологические термины; *barsāt* 'сезон дождей' (отсюда *barsāti* 'плащ' 'дождевик'),

названия некоторых фруктов, импортируемых из Индии: *mitá* 'апельсин', *santara* 'мандарин', *kēla* 'банан'; отдельные слова, связанные с искусством, музыкой, например: *kančni* 'танцовщик (-ица)'; несколько военных терминов: *čauñi* 'казарма', *tāna* 'пост' (военный, пограничный, полицейский), некоторые термины родства: *audar//awdar* 'дядя (брат отца)'; повсеместно распространенное слово *baža* 'час' и др.

Займствования из тюркских языков. Связи народов Афганистана с тюркскими племенами восходят к глубокой древности, что не могло не отразиться на лексике языка кабули. Особенно интенсивное проникновение тюркской лексики происходило в эпоху тюрко-монгольских нашествий.

В настоящее время в составе населения Афганистана имеется значительное число представителей тюркоязычных народов, особенно на севере страны, где живут узбеки и туркмены, а также казахи, киргизы. Тюрко-монгольского происхождения, по-видимому, и хазарейцы, говорящие теперь на одном из диалектов фарси, однако употребляющие много тюркских слов. Кроме того, в Афганистане, преимущественно в горах, живет значительное число кызылбашей — представителей тюркского племени оставшегося после завоевания Афганистана Надир-шахом. Все это способствует лексическому обмену между языками этих тюркских племен, с одной стороны, и языком таджиков и афганцев — с другой.

Кабули заимствовал из тюркских языков большей частью охотничьи и скотоводческие термины и некоторые названия животных: *qaraqulī* 'каракулевый', *qirpūk* 'сорт каракуля', *qurūt* 'сыр особого приготовления', *qara-quš* 'черный скворец' и др.

В более ранний период, очевидно, вошли в кабули тюркские административные термины: *dah-bāšī* 'десятник', *arz-begī* 'заведующий канцелярией по приему жалоб при шахском дворе', исторический термин *išik-aḡāsi* и *šāḡāsi* (из *šāh-āḡāsi*), обозначавший высшее сановное лицо в государстве.

Основную массу тюркизмов в кабули составляют займствования из узбекского языка. И это не удивительно. Можно с уверенностью сказать, что в Северном Афганистане имеются столь же тесные узбеко-таджикские языковые связи, как и в некоторых районах Советского Таджикистана. По своему составу узбекские слова в кабули почти полностью совпадают с узбекскими займствованиями в таджикском языке. Это — слова типа *sōm* 'рубль', *tōy*

'свадьба', *kattā* 'большой', 'толстый', *yangā* 'невестка (жена брата)', *kingōl*, *kingōlā* 'помолвленный (-ая)' и др.

Следует упомянуть и о заимствованиях из турецкого языка, появившихся за последние 40—50 лет. Это турецкие военные термины, проникающие в кабули (а через него и в пушту) через турецких военных специалистов в Афганистане: *yoqlamā* 'поверка', 'переключка' (отсюда *yoqlama-yi hawāyi* 'воздушная тревога'), *qišlā* 'казарма' и др.

Заимствования из русского языка. Проникновению русской лексики в кабули способствовали старинные торговые связи между Россией и населением Афганистана, осуществлявшиеся через Бухару. В кабули (как и в пушту) вошел ряд русских слов, связанных с экспортом и импортом товаров: *sōrt* 'сорт' (отсюда *sōrt-namūdan* 'сортировать'), *līst* и *līsta* 'список', 'лист', например: *līst-i ajnās* 'список товаров'. До сих пор кое-где употребляются в Афганистане некоторые старые русские термины мер и весов: *wērst* 'верста', *pūt* 'пуд'. Из русского языка проникала в кабули частично и бытовая лексика: *patnūs* 'поднос', *suxāri* 'сухари', *samāwār* (просторечное *samāwāt*) 'самовар', *čāynak* 'чайник' и др.

Некоторые интернациональные слова проникали в кабули через русский язык, о чем свидетельствует их русская передача: *istānsa* 'станция', *qumāndā* 'команда', *fābrikā* 'фабрика' и др.

В последнее время в кабули вошел из русского языка ряд слов, связанных с советским строем и бытом: *sowēt* 'советский', *kālkhūz* 'колхоз' и др.

Заимствования из западноевропейских языков. В связи с расширением международных связей Афганистана в кабули появилось большое количество международных терминов и заимствований из западноевропейских языков. Примечательно, что если в персидском языке первое место среди европеизмов принадлежит заимствованиям из французского языка, то в кабули (как и в пушту) заимствованы главным образом английские слова и при этом в значительной мере через индийские языки. Английские слова вошли в самые различные слои словаря кабули — от специальной научной и технической терминологии до бытовой лексики: *sāyans* 'наука', *reyl* 'железная дорога', *mōtar* 'автомашина', *trāfik* 'дорожное движение', *wāskat* 'жилет', *baks* 'портфель' и др.

Многие международные общественно-политические и другие термины вошли в кабули в английской форме: *pālīsī* 'политика', *kānwanšan* 'конвенция', *anarjī* 'энергия'. Географические названия, а также названия месяцев европей-

ского календаря приняты в кабули также в их английской форме: *Pólinđ* 'Польша', *Jarmanī* 'Германия', *mārč* 'март'.

В кабули имеется некоторое количество французских слов, главным образом в дипломатической, педагогической и медицинской терминологии: *kōr diplōmātik* 'дипломатический корпус', *agrēmān* 'агреман', *lisé* 'лицей', 'среднее учебное заведение' и др.

Небольшое количество итальянских военных терминов вошло в кабули, по-видимому, через посредство турецкого языка: *filinta* 'карабин', *filāma* 'флажок' и др.

Отмечены также португальские слова, проникавшие через индийские языки: *lilām* 'аукцион', *bambá* 'насос', 'помпа', *jitá* 'лента' и др.

Широкая возможность заимствовать готовые слова и термины из других языков, с одной стороны, и полное отсутствие каких-либо мер по регулированию этого процесса, с другой—ведут к сильнейшему засорению кабули иностранной лексикой и небывалому разнообразию в области словоупотребления. Все это чрезвычайно затрудняет процесс стабилизации терминологии, которая складывается почти стихийно. В настоящее время в кабули нет еще установившейся системы терминов, особенно в области науки и техники.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ОБРАЗЦЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ

1) شترواری دورت را به بین مثل خر پیش پای بین مباش! *štur-wārī daur-it-rā bibin, mist-i xar-i pēšpāibīn mabāš!* 'Подобно верблюду, осматривай все вокруг; не будь как осел, смотрящий (только) себе под ноги';

2) باغبانی باغی داشت و در آن درخت‌های میوه شاند (قرائت فارسی) *baḡbānē bāḡē dāšt wa dar ān daraxthā-yi mēwa šānd* 'У одного садовника был сад, в нем он посадил фруктовые деревья';

3) پیرمردی عاجز در گوشهٔ سرک به عصا تکیه داده و از خنک (قرائت فارسی) *pīrmardē 'ājiz dar gūšā-yi sarak ba asā takya dāda wa az xunuk mēlarzad* 'Какой-то немощный старик (стоит) на краю шоссе, опершись на палку, и дрожит от холода';

4) ما در يك دقیقه از يك تا شصت را حساب کرده می‌توانیم (الفبا) *mā dar yak daqīqa az yak tā šast-rā (h)isāb kardā mētawānēm* 'В течение одной минуты мы можем сосчитать от одного до шестидесяти';

5) مادرم برای من چای دم میکند، چای خود را خورده به مکتب (قرائت فارسی) *mādar-im barā-yi man čāy dam mēkunad. čā-yi xud-rā xurda ba maktab mērawam* 'Мать заваривает для меня чай. Выпив чаю, я отправляюсь в школу';

6) باران حیوان و انسان را آب میدهد (قرائت فارسی) *bārān (h)aywān wa insān-rā āb mēdihad* 'Дождь дает человеку и животным воду';

7) استاذ ما را کاغذ داد (الفبا) *ustāz mā-rā kāgaz dād* 'Учитель дал нам бумаги';

8) تا هرکس جهیز زیاده تر و پول زیاده تر بیارد دختر هم اورا باشد (تاریخ: ۱۷ مارچ، ۱۹۵۴، "انیس") *tā (h)ar kas ja(h)iz ziyādatar wa pūl ziyādatar biyārad dūxtar (h)am ū-rā bāšad* 'Кто даст больше калыма и больше денег, тому и будет принадлежать девушка' (букв.: 'того и будет девушка');

9) در سنه قمری ماهه ارا به موسم علاقه نیست (قرائت فارسی برای ۳۲ ص *dar sana-yi qamari māhā-rā (māhhā-rā) ba mausim alāqa nēst* 'В лунном году месяцы не связаны (букв.: 'у месяцев нет связи') с временами года');

10) روزگار خود را خوش میگذرانید، آینده را فکر نمی کرد (قرائت ۱۰) *rōzgar-i xud-rā xōš mēguzarānid, āyinda-rā fikr namēkard* 'Она приятно проводила время и не думала о будущем';

11) بخار به نقطه بلندترین هوا میرود (قرائت فارسی برای صنف سوم ۴۹ ص *buxār ba nuqta-yi balandtarin-i (h)awā mērawad* 'Пар поднимается в самый верхний слой атмосферы');

و حتی مسکن اهالی به مراتب از این مغاره ها کرده (12) *wa (h)atta maskan-i ahāli ba marātib az in mağarahā karda muxtasartar ast* 'Даже жилища людей намного меньше этих пещер';

پوست قره قلی میمنه از هر جا کرده اعلی است (قرائت فارسی 13) *pōst-i qaraqulī-yi Maumana az (h)ar-jā karda alā-st* 'В Маймане каракуль более высокого качества, чем где-либо';

در میان گلهای گل گلاب از همه کرده بوی خوب دارد (قرائت 14) *dar miyān-i gulhā gul-i gulāb az (h)ama karda bū-yi xūb dārad* 'Из всех цветов роза имеет самый лучший аромат';

15) *az (h)ēč karda* از هیچ کرده باز چیزی بهتر است (ضرب المثل) *bāz čizē bē(h)tar-ast* 'Кое-что все-таки лучше, чем ничего';

16) *bibax-šēd ki az dast-i mā mardum mē(h)mānawāzi-yi lāyiq-i ša'n-i šumā pūra nēst* [عزیز الرحمن، دختر دهقان، (تاریخ: ۱۹۴۶، ۳ فروری)] 'Простите, что нам (нашему брату) совсем не по силам оказать вам прием, приличествующий вашему сану';

17) اهالی دهات برای دفاع خودها از حملات این جانوران وحشی (طریقه های مختلفی ابتکار کرده اند (سائنامه کابل، ۱۹۳۸ - ۱۹۳۹)

۳۲۲ ص) *ahālī-yi dihāt barā-yi difā^۱-yi xudhā az (h)amalāt-i in jān-warān-i waxšī tariqahā-yi muxtalifē ibtikār kardā-and* 'Жители деревень изобретают самые различные способы, чтобы защитить себя от этих диких зверей';

۱۸) با و اجدادش نام نامی خودها را حیات ابدی بخشیده اند ("آریانا"، ص ۱۴) *ābā^۲ wa ajdād-aš nām-i nāmī-yi xudhā-rā hayāt-i abadi baxšīda-and* 'Предки его обессмертили свои славы имена';

۱۹) راهبین بودائی چیزی مقتول چیزی نفی بلد و چیزی مسلمان شده *rā(h)ibīn-i budāy; čizē maqtūl čizē nafi-balad wa čizē musulmān šuda* 'Буддийские монахи частью были истреблены, частью изгнаны, а некоторые приняли мусульманство';

۲۰) چیزی پول و نان گرم گرفته به پیرمرد میدهد (قرائت فارسی ص ۵۶) *čizē pul wa nān-i garm girifta ba pīrmard mēdihad* 'Взяв немного денег и свежего хлеба, он подает [все это] старику';

۲۱) همگنان برآمده در زیر درخت بید لب جویباری جا گرفتند (عزیز الرحمن، دختر دهقان، روز نامه، انیس، نمبر ۲۵۹، ۱۹۴۶، ۳ فروری) *(h)amginān bar-āmada dar zēr-i daraxt-i bēd lab-i jōybārē jā giriftand* 'Все вышли и разместились под ивой, на берегу ручья';

۲۲) از روی کتاب پنج پنج مرتبه نوشته کنند (قرائت فارسی برای ص ۱) *az rō-yi kitāb panj-panj martaba nawišta kunand* 'Пусть они (каждый) по пять раз перепишут с книги';

۲۳) در باغچه درخت های خوب می باشد (قرائت فارسی برای ص ۱۳) *dar bāčā daraxthā-yi xūb mēbāšad* 'В садике (имеются) хорошие деревья';

۲۴) شب که آفتاب نمی باشد سمت ها را چگونه می شناسیم؟ (قرائت ص ۳۰) *šab ki āftāb namēbāšad samt-hā-rā čigūna mēšnāsēm?* 'Как определить стороны света ночью, когда не бывает солнца?';

۲۵) زلمی هر روز وقت از خواب می خیزد (قرائت فارسی برای ص ۳۳) *zalma (h)ar rōz waqft az xwāb mēxēzad* 'Зальмай каждый день поднимается рано';

۲۶) آهسته آهسته بالا رفتیم ("انیس"، ۱۹۵۸، ۲۴ اپریل، ص ۲۰) *āsta-āsta (<āhista-āhista) bālā raftēm* 'Медленно мы поднялись [в гору]';

ژلمی برای آوردن سودا بازار می رفت (قرائت فارسی برای صنف 27)
zalmay barā-yi āwardan-i sawdā bāzār mēraft (دوم ابتدائی، ص ۵۰)
 'Зальмай шел на базар за покупками';

در جشن پارسال هر روز برای تماشا می رفتیم اسب دوانی، توب
 بازی، پهلوانی، چراغان و صدها تماشای دیگر می دیدیم (قرائت فارسی
dar jašn-i pārsāl (h)ar rōz barā-yi tamāšā mēraftēm, asp-dawāni, tōp-bāzi, pahlawāni, čirāḡān wa sadhā tamāšā-yi dīgar mēdidēm (برای صنف دوم ابتدائی، ص ۲۸)
 'Во время прошлогодного праздника мы ежедневно ходили смотреть зрелища; мы видели скачки, игру в мяч, борьбу, фейерверк и сотни других зрелищ';

شما تا امروز در مکتب چیزهای خوب خوب یاد گرفته اید (قرائت 29)
šumā tā imrōz dar maktab čizhā-yi xūb-xūb yād girifta-yēd! (فارسی برای صنف دوم ابتدائی، ص ۳۲)
 'К нынешнему дню вы научились в школе многому прекрасному';

دو ماه شد که خط شما نرسیده است (قرائت فارسی برای صنف 30)
du mā(h).šud.ki xatt-i šumā narasīda-ast (سوم ابتدائی، ص ۲۸)
 'Вот уже два месяца, как от Вас нет письма' (بُکُف.: 'как Ваше письмо не пришло');

ارستو معلم سکندر مقدونی پسر فلیپ بود و در حدود ۳۴۴-۳۸۴ (31)
Aristō. qabl milād mēzīsteh ast ("عرفان"، ۱۹۵۵، نمره ۵، ص ۵۱)
muallim-i Sikandar-i Maqdūni pisar-i Filīp būd wa dar hudūd-i sēuād-u-bīst-u-čār-sēsād-u-haftād-u-čār qabl-i milād mēzīsta-ast 'Аристотель был учителем Александра Македонского, сына Филиппа, и прожил с. 384 по 322 г. до н. э.؛

غالباً هنوز آفتاب غروب کرده نمی بود که يك مجموعه خیلی نفیسی (32)
 از سفالهای شکسته و ریخته و ادوات سنگی را که اشخاص مذکور
 با خود آورده سر میزه‌های ما خالی مینمودند مالک شده میبودیم ("کابل"،
yaliban hanūz āftāb jurūb karda namēbud ki yak: mafmua'-yi xayli nafisē az sifālhā-yi šikasta wa rēxta wa adawāt-i sangi-rā ki ašxās-i mazkūra bā xud āwurda sar-i mezhā-yi mā xālī mēnamūdand mālik šuda mēbudēm 'Часто, еще не садилось солнце, как мы уже располагали (букв.: 'становились обладателями') редкостной коллекцией осколков сосудов, облицовки и изделий из камня, которые эти люди приносили с собой и высыпали нам на стол';

در آن يك ساعت هیچ دختری حاضر نشد سر خود را در پشت میز (33)
 فرو برده نان یا میوه‌ای را که با خود آورده می بود چک بزند
dar ān yak sā'at (h)ēč duxtarē. (h)āzir našud sar-i xud-rā dar pušt-i mēz jurū burda nān ya mēwayē- ("عرفان"، ۱۹۵۵، نمره ۱، ص ۴۶)

rā ki bā xūd awurda mēbūd šak bizanad 'Во время этого урока ни одна девочка и не подумала о том, чтобы, юркнув головой под стол, пожевать хлеба или фруктов, которые принесла (т. е. обычно принесла) с собой';

34) اکنون اسب برای عملیات بزکشی حاضر شده می باشد ("عرفان")،
aknūn asp barā-yi amaliyāt-i buzkašī (شماره ۳، ص ۱۳) (h)āzīr šuda mēbāšad 'Теперь лошадь подготовлена (=готова) к участию в козлодрании';

35) حالانکه عملاً موضوع اشتراك سکها درین اقدامات انگلیسی و شاه شجاع از بین رفته میباشد (س. ق. رشتیا، افغانستان در قرن ۱۹۰۰، ص ۷۳).
hāl-ān-ki amalan mauzu'-yi ištirāk-i sikhā dar in iqdāmāt-i inglīsi wa šāh Šujā az bain rafta mēbāšad 'Между тем как на деле вопрос об участии сикхов в этих действиях англичан и шаха Шуджа отпал';

36) تا حال که با اصول علوم تجربی را دنبال نموده ایم باین عایت رسیده میباشیم که ساینس بعد از فرضیه و تطبیقات بقانون میرسد ("عرفان")،
tā hāl ki mā usul-i ulum-i taǰrubawī-rā dumbāl namūda-yēm ba in āyat rasīda mēbāšēm ki sāyans ba'd az farziya wa tatbīqāt ba qānūn mērasad 'До сих пор мы следовали принципам опытных наук (и теперь) подошли к тому рубежу, когда наука от гипотезы и проверки (=эксперимента) достигает (ступени) закона';

37) جغرافیون عرب نیز نامهای مختلفی به این دریا داده میباشند
juǰrāfiyūn-i arab nēz nāmāhā-yi muxtalifē ba in daryā dāda mēbāšand (سالنامه کابل، ۱۹۳۸-۱۹۳۹، ص ۴۱۶)
'Арабские географы также дают (-дали) этой реке различные названия';

38) وقتیکه به خانه باز میگردم بالابوش من با ورق ضخیمی از برف پوشیده شده میباشد ("انیس")، شماره ۲۴۴
waqtē-ki ba xāna bāz mēgardam bālāpōš-i man bā waraq-i zaximē az barf pōšīda šuda mēbāšad 'Когда я возвращаюсь домой, мое пальто бывает покрыто толстым слоем снега';

39) تا تو بیائی کتابها را آورده خواهند بود
tā tu biyāyī kitābhā-rā āwūrda xwāhand būd 'Пока ты приедешь, они уже принесут книги';

40) اگر این همه شوق علم را زاده تجسس ذهنی او بگوئیم
خطا کرده خواهیم بود [عبد الله انصاری هروی، اثر س. بورکوی
agar in (h)ama šauq-i ilm-ra zāda-yi taǰassus-i zehni-yi ū biguyēm xatā kardā xwāhēm būd (شماره ۳، ص ۲۹)
'Если мы весь этот его интерес к науке признаем следствием пылливости ума, то (уже) впадем в ошибку';

ولی تا آنوقت من از فاصله^۱ تعقیب بیرون رفته خواهم بود (41)
wali tā ān waq̄t man az fāsila-yē ta'qib bērūn rafta xwāham būd ('الیس'، اپریل ۱۹۳۶، نمبر ۶۸) '... но к тому времени я уже выйду за пределы досягаемости';

رفتیش بی علتی نیست، ضرور کدام سانحه^۲ی رخ داده خواهد (42)
raftan-aš bē-illatē nēst, zarūr kudām sānihayē rux dāda xwāhād būd? 'Она уехала (букв.: 'ее отъезд'), не без причины; наверное, произошло что-нибудь?';

کمتر کسی به پایه^۳ علمیت او رسیده خواهند بود ('کابل'، (43)
kamtar kasē ba pāya-yi 'ilmīyat-i ū rasīda-xwāhānd būd (۱۹۳۶، نمبر ۵۷، ص ۸۸۷) '(Пожалуй) мало кто достиг степени его учености';

انگلیسها تصور میکردند که بلاخر نفس راحت کشیده می توانند (44)
inglīshā tasawwur mēkardand ki bi-l-āxar nafas-i rāhat kašīda mētawānand zīrā ... mardum bā taslīm-i amīr Dōst Muhammad-xān jur'at-i xud-rā ba küllī az dast dāda xwāhānd būd (س. ق. رشتیا، افغانستان در قرن نوزدهم ص ۸۹) 'Англичане думали, что наконец-то могут вздохнуть спокойно, так как народ (де) совсем обескуражен капитуляцией эмира Дост Мухаммада';

نظیر این معاهده^۴ مضحک و مسخره کمتر اتفاق افتاده خواهد بود (45)
nazīr-i īn muāhida-yi muzhik wa masxara kamtar itti-fāq uftāda xwāhād būd (۱۳۳۰، نمبر ۵) 'Едва-ли когда-либо еще был заключен такой же возмутительный и смехотворный договор';

؛ اورندہ یقین دارد کہ نفوذ پشتو به فارسی منحصر نبوده بلکه (46)
nigārinda yaqīn dārad ki nufūz-i paštō ba fārsi munhasir nabūda balki ba alsina-yi hīnd nēz ta'sirāt wārid karda xwāhād būd (شماره ۱۰۴) 'Автор полагает, что влияние пушту не ограничивалось языком фарси, но и на языки Индии он оказал (очевидно) влияние';

بعد از اول میزان شبها دراز و روزها کوتاه شده میرود (47)
ba'd az awwal-i mīzān šabhā darāz wa rōzhā kutā(h) šuda mērawānd (۲۳) 'После 1-го мизана ночи становятся все длиннее, а дни — короче';

بعد از حبیبالله خان روزنامه و جراید روزبروز افزون شده (48)
ba'd az Habībulla-xān (دائرة المعارف، جز چهاردهم، ص ۶۳۵)

rōznāma wa jarā'id rōz ba rōz afzūn šuda raft 'После Хабибуллы-хана количество (изданий) газет и журналов день ото дня увеличивалось';

49) هر چند دقایق گذشته میرفت و مجلس گرمتر می شد دل فلورید جوان از غصه پر میگردید ("عرفان"، ۱۹۵۵، شماره ۴، ص ۵۰)
(h)arčand daqā'iq guzašta mēraft wa majlis garmtar mēšud dil-i Flōrid-i jawān az ḡussa pur mēgardīd 'По мере того как шли минуты и общество становилось все оживленнее, сердце юной Флориды наполнялось печалью';

50) همراهات همه کوچ کرده رفتند و بمنزل رسیدند ("کابل"، ۱۹۳۶، ص ۷۷۶)
(h)amrāhān-at (h)ama kōč kardā raftand wa ba manzil rasīdand 'Все твои спутники (постепенно) откочевали и (уже) достигли стоянки';

از طرف دیگر مملکت روز بروز فقیر شده میرفت (س. ق. رشتیا، 51)
az taraf-i digar mamlakat rōz ba rōz faqīr šuda mēraft 'С другой стороны, государство день ото дня все более нищало';

مثنوی های عرفانی نیز سرودن گرفت ("عرفان"، ۱۹۵۵، شماره ۵، ص ۵۲)
masnawihā-yi 'irfānī nēz surūdan girift 'Начали создаваться также месневи религиозно-мистического содержания';

خدمتکار دید کار خراب است ... بزرا به زدن شد (قرائت 53)
xidmatkār dīd-kār xarāb ast ... buz rā ba zadan šud 'Слуга видит—дела плохи и ... давай бить козла';

هر دو دست را بر سر دردآك خود گرفته بر جاده به دویدن شد (54)
(h)ar du dast-rā bar sar-i dardnāk-i xud girifta bar jādda ba dawīdan šud 'Обхватив обеими руками свою больную голову, он бросился бежать по дороге';

تعداد آنهائی که بیک دیگر اعتماد میداشته باشند چقدر محدود (55)
tā dād-i tā'ānān wa āngāšt šumar ast ("اصلاح"، ۱۹۵۶، ۱۸ آگست، ص ۲)
ānhāyē-ki ba yak-digar 'etimād mēdāšta bāšand čī qadar maḥdūd wa angūštšumār ast! 'Как ограничено и невелико число тех, кто доверял бы друг другу';

تا کنون شنیده نشده است که اشخاص دیگر بعبور این راه موفق (56)
tā kunūn šanīda na-šuda-ast ki ašxās-i digar ba 'ubūr-i in-rā (h) muvaffaq šuda bāšand 'До сих пор не слышно было, чтобы кому-либо другому удалось пройти той же дорогой';

اگر دستهای پر آبله نمی بود امروز ما ماشین، طیاره و موتر نمی داشتیم و رفتن از یک جا به دیگر جا برای ما بسیار مشکل بود.
agar in dasthā-yi pur-ābila na-mēbūd imrōz mā māšīn, tayāra wa mōtar namēdāštēm wa raftan az yak

jā ba dīgar jā barā-yi mā bisyār muškil bād 'Если бы не было (этих) мозолистых рук, мы теперь не имели бы машин, самолетов, автомобилей, и нам было бы очень трудно передвигаться из одного пункта в другой';

اگر بی احتیاطی نمی کردی هرگز باین درد گرفتار نمی شدی (58)
agar bēhtiyāti namē kardī (h) argiz ba īn dard giriftār namēšudī 'Если бы ты был осторожен (букв.: 'если бы не допускал беспечности'), то не заболел бы';

این رویه وقتی بجا میبود که زبان پشتو تممیم کاملی یافته (59)
و از تممیم آن اقل از چند قرنی گذشته میبود ("اصلاح"، ۱۹۴۱، ص ۱۱)
īn rawiya waqtē ba-jā mēbbād ki zabān-i paštō ta'mim-i kāmīlē yāfta wa az ta'mim-i ān aqallan čand qarnē guzašta mēbbād 'Этот подход был бы уместным в том случае, если бы язык пушту получил всеобщее распространение и с момента его усвоения прошло бы уже несколько столетий';

ما جز این دیگر چطور میتوانیم زحمت اورا تلافی کرد؟ (60)
mā juz' īn dīgar čitawr mētawānēm zahmat-i ū-rā talāfi kard? 'Как же мы иначе можем отблагодарить его за его труды?'

کاش اگر بتوانم بتو شوهری پیدا نمود! ("آنیس"، ۱۹۴۸، اول (61)
kāš āgar bitawānam ba tu šawharē paydā namūd! 'O, если бы я смог найти тебе мужа!..'

تو با من برابری کرده نمی توانی! (قرائت فارسی برای صنف 62)
tu bā man barābarī karda namētawāni! 'Ты не можешь со мною тягаться!'

مرغك جواب داد: بالم شكسته مثل دیگر رفیق های خود بجای (63)
گرم رفته نتوانستم (قرائت فارسی برای صنف سوم ابتدائی، ص ۵۸)
murğak jawāb dād: bāl-im šikasta misl-i dīgar rafiqhā-yi xud ba jā-yi garm rafta natawānistum 'Птичка отвечала: у меня сломано крыло, я не смогла, как другие мои собратья, улететь в теплые края';

اما ایرانیان تا قرن ها از سلطه عربی استخلاص گریبان نتوانستند (سالنامه، 1936، ص 131)
ammā irāniyān tā qarnhā az salta-yi arabī istiḫlās i girēbān natawānistand 'Иранцы же (еще) в течение ряда веков не могли избавиться от владычества арабов';

محمد عظیم خان از شنیدن خبر مداخله اجانب در سند تحمل (65)
نتوانسته بفر لشکرکشی افتاد (س. ق. رشتیا، افغانستان در قرن

۷۳ *Muhammad Azīm-xān az šunīdan-i xabar-i mudāxi-la-yi ajānib dar Sind ta(h)ammul natawānista ba fikr-i laškarkaši uftād* 'Мухаммад Азим-хан, услышав о вмешательстве иностранцев в Синде, не мог [того] вынести и задумал военный поход';

66) از روی آن ممیزات مکتب نقاشی عصر غزنوی را معین میتوانیم [احمد علی کهزاد، تصاویر غلامان سرای سلطانی ("آریانا"، ۱۹۰۱، ص ۷ شماره ۷، az rō-yi ān mutayizāt-i maktab-i naqqāšī-yi asr-t̄ ḡaznawī-rā muayan mētawānēm 'По ним мы можем установить отличительные черты школы живописи в эпоху газневидов';

67) اگر میخواهی که با کسی نزد محبت بازی ابتدا آلام فراق را *agar* در نظر گرفته باش! ("کابل"، ۱۹۳۶، شماره ۵۶، ص ۷۷۷) *mēxwāhi ki bā kasē nard-i muhabbat bāzī, ibtidā' ālām-i firāq-rā dar nazar giḡifta bāš!* 'Если хочешь с кем-либо играть в любовь, сначала подумай о боли [возможной] разлуки';

68) پای به اندازه گلیم خود دراز کرده باش! (ضرب المثل) *pāy ba andāza-yi gilīm-i xud darāz karda bāš!* 'Протягивай ноги по длине своей циновки!'

69) کار خود را کرده باش دیگران را چه میکنی؟ *kār-i xud-rā karda bāš, digarān-rā ēi mēkuni?* 'Делай (себе) свое дело, что тебе до других?'

70) گاه گاه گدما ساعت آمده باش! *gāy-gāy (<gāh-gāh) kudām sāt āmada bāš!* 'Заходи как-нибудь часом!'

71) يك حس نفرت خیلی عجیبی در این سرزمین نسبت به حکومت تولید شده یا کرده شده بود (کشککی، بحران و نجات، ص ۴۳) *yak (h)iss-i nifrat-i xayli' ajibē dar īn sarzamīn nisbat ba hukūmat taw-līd šuda yā karda šuda būd* 'Чувство удивительной ненависти к правительству зародилось (само) или было порождено (кем-то) в этих местах';

72) معلم باز به نوشته شروع کرد (قرائت فارسی برای صنف دوم) *muallim bāz ba nawišta šurū' kard* 'Учитель снова начал писать' (букв.: 'приступил к писанию');

73) کوههای بلندش از برف پوشیده است (قرائت فارسی برای صنف ۱۱) *kōtā-yi buland-aš az barf fōšida ast* 'Высокие горы его покрыты снегом';

74) در باغ گلهای رنگ رنگ کاشته است (قرائت فارسی برای صنف ۲۷) *dar bāḡ gulhā-yi rang-rang kāšta-ast* 'В саду посеяны разные цветы';

75) دید يك بته گلاب شکسته است (قرائت فارسی برای صنف دوم)

۲۷ *did-yak būta-yi gulāb šikasta ast* 'Видит—один розовый куст сломан';

76 گنجشکها آمده بر آن نول میزدند (قرائت فارسی برای صنف سوم، ص 76)
gunjiškā āmada bar ān nōl mēzadand 'Воробьи, слетевшись, клевали его';

من به باغ بیرون شده دیدم که هر طرف دویدن دیدن جاری (ص 95)
man ba bāḡ bēron šude دیدم که هر طرف دویدن دیدن جاری (ص 95)
man ba bāḡ bēron šuda دیدam ki (h)ar taraf dawidan—dawidan jāri-st 'Выйдя в сад, я увидел, что отовсюду бегут и бегут (люди)';

78 تعداد قره قلی تحت تربیه گرفته گی آنها قرار ذیل است...
ta'dād i qaraqulī-yi taht-i tarbiya giriftagī-yi ānhā qarār-i zail ast ... 'Количество каракулевых (овец), разводимых ими, следующее ...'

99 دوی داده گی من تا سه روز تمام میشود اگر مریض رو به
بهبودی میگزارد خوب والا به من اطلاع بدهید! ("انیس"، 1946، ص ۳)
dawā-yi dādagī-yi man tā sē rōz tamām mēšawad, agar mariz rō ba be(h)būdī mēguzārad—xūb, wa illā ba man ittilā 'Лекарство, прописанное мной, кончится через три дня; если больной станет выздоравливать—хорошо, в противном случае дайте мне знать';

80 پولهای جمع کردگی و دستمزدرا بردند ("بیدار"، 1956، ص 247)
pūlhā-yi jama kardagī wa dastmuzd-rā burdand 'Они похитили скопленные деньги и заработок';

81 موسم گرمی عنقریب رسیدنی است (رادیو کابل)
mawsim-i garmī anqarib rasīdanī-st 'Вскоре наступит период жары';

82 آنها درك کردند که شاه شجاع از خود رائی خود گزشتنی نیست
("انیس"، 1946، ص 18)
ānhā dark kardand ki šāh Sujā az xudrāyī-yi xud guzaštani nēst 'Они поняли, что шах Шуджа [никогда] не отступится от своего каприза';

83 در طبقه عوام هر روز افواهاات عجیب سروده میشد از قبیل اینکه
... مسجدهارا حکومت بسته کردنی است (کشککی، بحران و نجات، ص ۶۱)
dar tabaqa-yi 'awām (h)ar rōz afwāhāt-i ajīb surūda mēšud az qabīl-i īn ki... masjidhā-rā hukūmat basta kardanī-st 'Среди простолюдия ежедневно распространялись странные слухи вроде того, что ... правительство (якобы) собираются закрыть мечети';

84 همراي این سوالهای بی معنی و پوچ خود نزدیک است مرا دیوانه
بسازی ("انیس"، 1946، ص 12 اکتبر)
amrā-yi īn suwāl-hā-yi bē-ma nī wa pūč-i xud nazdīk ast ma-rā dēwāna bisāzī! 'Ты сведешь меня с ума своими пустыми и бессмысленными вопросами'

او در مجلس بوت‌سازی آموخت و چیزی پول اندوخته امرای (85)
zī āmōxt wa ēīzē pūl andūxta amrā-yi ān kitāb-i 'ābidīn xarīd 'В зак-
лючении он научился сапожному ремеслу и, скопив немного денег, ку-
пил на них книгу о благочестивых людях;

معلم بالای تخته سیاه نوشته میکرد (قرائت فارسی برای صنف 86)
muallim bālā-yi taxta-yi siyā(h) nāwīšta mēkard 'Учи-
тель писал на доске';

زمستان بالای مردم غریب بسیار سخت می‌گذرد (قرائت فارسی 87)
*zimistān bālā-yi mardum-i ʔarīb bi-
syār saxt mēguzarad* 'Для бедных людей зима бывает очень тяжела';

بعد در تنور پخته بالای ما می‌فروشد (قرائت فارسی برای صنف 88)
ba'd dar tanūr puxta bālā-yi mā mēfurōšad 'За-
тем печет (хлеб) в печи и продает нам';

روزی خبر شد که وزیرش بالای دهقان بیچاره ظلم کرده (89)
*rōzē xabar šud ki wa-
zīr-aš bālā-yi de(h)qān-i bēčāra zulūm kard* 'Однажды он узнал, что его
министр проявил жестокость по отношению к (одному) бедному крестьянину';

بچه‌ها طرف مکتب می‌روند (قرائت فارسی برای صنف دوم، 90)
bačahā taraf-i maktab mērawand 'Дети идут в школу';

بخت طرفم تبسم کرده... (انیس، ۱۴۴۹، ۲۸ مارچ) (91)
baxt taraf-am tabassum karda 'Судьба улыбнулась мне';

روان شو سوی مکتب! (قرائت فارسی برای صنف سوم ابتدائی، 92)
rawān šaw sō-yi maktab! 'Отправляйся в школу!'

يك موٹر تیز رفتار شماره... معاً رادیو یه فروش میرسد (رادیو 93)
*yak mōtar-i tēzraftār šumāra-yi... ma'a-yi rādiō ba furōš mē-
rašad* 'Продается скоростной автомобиль №... с радиоприемником';

چارپایانی که با انسان آموخته است حیوانات اهلی گفته می (94)
*čarpāyānē ki bā
insān āmōxta ast (h)aywānāt-i ahlī gufta mēšawad* 'Четвероногие, ко-
торые приручены человеком, называются домашними животными';

پرندہ های خوشخوان در باغ زندگی می‌کنند (قرائت فارسی 95)
*parandahā-yi xūšxwān dar bāḡ
zindagī mēkunand* 'В саду живут певчие птицы';

بزرگاله‌ها و بره‌های خورد دیده می‌شد که هر طرف می‌گشتند (۱۰۳)
buzṛālahā wa barrahā-yi (قرائت فارسی برای صنف دوم ابتدائی، ص ۱۶)
xurd dīda mēšud ki (h)ar tarāf mēgaštand 'Видны были маленькие козлята и ягнята, которые разбегались в разные стороны';

آغا جانم فایده شیر این حیوانات را برایم قصه کردند (قرائت ۹۷)
āḡā-jān-im fāyida-yi šīr-i (فارسی برای صنف دوم ابتدائی، ص ۱۲)
īn (h)aiwānāt-rā barā-yim qissa kardand 'Папа рассказал (букв.: 'рассказали') мне о пользе молока этих животных';

صدر اعظم هند وارد کابل شدند (ازجرائد) ۹۸
sadr-i a'zam-i Hind
wārid-i Kābul šudand 'Премьер-министр Индии прибыли в Кабул';

اگر به سیم برق دست زده شود فوراً انسان را می‌کشد (قرائت ۹۹)
agar ba sīm-i barq dast zadā (فارسی برای صنف دوم ابتدائی، ص ۹)
šawad fawran insān-rā mēkušad 'Если дотронуться до электрического провода, человека тотчас убьет';

zarūr marīzi-yi ū (الفبا، ص ۵۶) ۱۰۰
dānista šawad 'Необходимо определить ее болезнь';

اگر او را بحال خود گذارده شود هم بعد از مدتی خود بخود ۱۰۱
agar ū-rā ba hāl-i xud guzārda šawad (h)am ba'd az muddatē xud ba
xud ba hālat-i tabī'i mēāyad 'Если же его оставить в покое, то через некоторое время он сам собой придет в нормальное состояние';

بعد پیاز را بالای روغن انداخته کم کم آب را نیز انداخته شود ۱۰۲
ba'd piyāz-rā bālā-yi rawḡan andāxta (کتاب طبخی، کابل، ص ۱۴)
kat-kām āb-rā nēz andāxta šawad 'Затем, опустив лук в масло, подлить понемногу и воды';

زمستان است، هوا بسیار سرد شده روزها کوتاه گردیده زمین ها ۱۰۳
پیخ بسته بادهای سرد می‌وزد (قرائت فارسی برای صنف سوم ابتدائی، ص ۵۵)
zimistān ast (h)awā bisyār sard šuda rōzhā kūtāh gardīda zamīn
hā yax basta bādā-yi sard mēwazad 'Зима; похолодало; дни стали короче; земля застыла; дуют холодные ветры';

نانی را که ما می‌خوریم به این قدر زحمت بدست می‌آید ۱۰۴
nānē-rā ki mā mēxu-ēm bā īn qadar zahmat ba dast mēāyad (قرائت فارسی برای، صنف دوم ابتدائی، ص ۳۴)
'(Вот) с таким трудом добывается хлеб, который мы едим';

اشخاصی را که این قسم پشه گزیده باشد تب‌لرزه می‌کند ۱۰۵
ašxasē-rā ki īn qisom (قرائت فارسی برای صنف سوم ابتدائی، ص ۲۱)

paša gazīda bāšad tab-larza mēkunad 'Люди, которых укусил такой ко-
мар, заболевают лихорадкой';

ما نیز حاضریم که برای محافظه وطن مقدس کوشش کنیم (106)
mā nēz (h)āzir-ēm ki (قرائت فارسی برای صنف سوم ابتدائی، ص ۲۲)
barā-yi muhāfiza-yi watan-i muqaddas kūšiš kunēm 'И мы готовы (что-
бы) приложить силы для защиты священной отчизны';

که کار نمیکنی پس معاش چرا میخواهی؟ (محمد عثمان پشتون، 107)
ka kār namēkunī pas (مدرس افغانی، حصه ۲، کابل، ۱۲۱۸، ص ۸۸)
ma'āš čirā mēxwāhī? 'Коли ты не работаешь, так зачем требуешь пла-
ты?'

که میروی پس چیزی خواهی یافت (محمد عثمان پشتون، مدرس 108)
ka mērawī pas čizē xwāhī yāft 'Коли пойдешь, так
что-нибудь найдешь';

تابستان که آخر شد گرمی کم می شود (قرائت فارسی برای 109)
tābistān ki āxir šud garmī kam mēšawad (صنف دوم ابتدائی، ص ۴۱)
'Когда лето к концу, жара становится меньше';

گندم که پخته شد آن را درو و خرمن می کنند (قرائت 110)
gandum ki puxta šud ān-rā diraw (فارسی برای صنف دوم ابتدائی، ص ۳۴)
wa xirman mēkunand 'Когда пшеница созреет, ее жнут и обмолачивают';

حافظه او را در زود فرا گرفتن فنون یاری میکند ('عرفان'، 111)
(h)āfiza ū-rā dar zūd farā-giriftan-i fu-
nūn yārī mēkunad (شماره ۱، ۱۹۵۷، ص ۲۰)
'Память помогает ему в быстром овладении науками
(букв.: 'в овладении науками быстро');

اولیای خیر دولتی ما تا چه اندازه طرفدار زود روی کار آمدن 112)
awliyā-yi xabīr-i daw-
latī-yi mā tā čē āndāza tarafdār-i zūd rō-yi kār āmadan-i zabān-i millī
(h)astand ... 'Насколько наши компетентные государственные деятели
заинтересованы в быстром становлении национального языка ...'

بسته و درحال ضعف به زمین افتاده بودن او آنها را به حیرت 113)
basta wa dar hāl-i za'f ba za-
mīn uftāda būdan-i ū ānhā-rā ba (h)ayrat andāxt 'То, что он лежал на
полу связанный и беспомощный (букв.: 'лежание его [на полу связан-
ным и беспомощным]), повергло их в изумление';

از مرکز حرکت کردن خود را فیصله داده بودند (کشککی، 114)
az markaz (h)arakat kardan-i xud-rā faisala
dāda būdand 'Они решили выехать из столицы' (букв.: 'из столицы
свой выезд порешили').

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев М. С., *По этнологии Афганистана. Долина Панджшира*, Ташкент, 1927.
- Зарубин И. И., *О языке гератских евреев* („Доклады РАН“, 1924, стр. 181—183).
- Дорофеева Л. Н., *О языке „фарси“ Афганистана* („Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР“, XXXIII, М., 1959).
- Миллер Б. В., *Персидско-русский словарь*, изд. I, М., 1950 [Материалы по лексике кабули предоставлены автору М. Г. Аслановым].
- Bogdanov L., *Stray notes on Kabuli-Persian* („Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal“, New series, vol. XXVI, 1930, p. 1—23).
- Bonelli L., *Ancora del Volgare persiano di Kabul. Appunti grammaticali. Appunti lessicali* („R. Istituto orientale di Napoli. Annali“, vol. II, p. 24—46, vol. III, p. 50—56, 1930).
- Borah M. I., *The nature of the Persian language, written and spoken in India during the 13 and 14-th centuries* („Bulletin of the School of Oriental Studies“, vol. 7, 1934).
- Farhâdi A., *Le persan parlé en Afghanistan. Grammaire du Kabôli*, Paris, 1955.
- Grierson G. A., *Linguistic survey of India, vol. X. Specimens of languages of the Eranian family. Persian group*, Calcutta, 1921, p. 527—530, specimen I, II.
- Ivanov W., *Rustic poetry in the dialect of Khorasan* („Journal and proceedings of the Asiatic Society of Bengal“, New series, vol. XXI, 1925, p. 33—313).
- La zard G., *Caractères distinctifs de la langue tadjik* („Bulletin de la Société de linguistique de Paris“, t. 52, fasc. I, 1956, p. 117—186).
- Lorimer D. L. R., *The phonology of the Bakhtiari, Badakhshani and Madaglashti dialects of Modern Persian with vocabularies* („Royal Asiatic Society, Prize Publication Fund“, vol. VI, London, 1922).
- Morgenstierne G., *Report on a linguistic mission to Afghonistan* (Oslo, 1926).
- Morgenstierne G., *Persian texts from Afghanistan* („Acta Orientalia“, vol. VI, Oslo, 1928, p. 309—318).
- Phillott D. C., *Higher Persian grammar for the use of the Calcutta University, showing differences between Afghan and Modern Persian*. Calcutta, 1919.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
От автора	6
Введение	9
Фонетика	12
Звуковой состав	12
Некоторые фонетические особенности	16
Ударение	18
Особенности произношения заимствованных слов	19
Графика	20
Морфология	23
Части речи	23
Словообразование существительных и прилагательных	24
Имя существительное	32
Имя прилагательное	35
Местоимение	37
Числительное	42
Глагол	45
Наречие	55
Предлоги	56
Некоторые черты синтаксиса	58
Простое предложение	58
Сложное предложение	60
Основные типы придаточных предложений	61
Причастные и инфинитивные обороты	63
Лексика	64
Заимствования из других языков	65
Приложения	70
Образцы литературной речи	70
Библиография	83

Лидия Николаевна Дорофеева
ЯЗЫК ФАРСИ-КАБУЛИ

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*
Редактор издательства *И. В. Альтман*
Технический редактор *Р. А. Негримовская*
Корректоры *В. Д. Светова* и *М. З. Шафранская*
*

Сдано в набор 2/II 1960 г. Подписано к печати 1/VIII 1960 г. А08342 Формат 60×92¹/₂
Печ. л. 5,25 Условн. п. л. 5,25 Уч.-изд. л. 4,91 Тираж 1100 экз. Зак. 330
Цена 3 руб. с 1.1.1961 г. цена 30 ко.

*
Издательство восточной литературы
Москва Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы
Москва И-45, Б. Кисельный пер., 4.